

РАХМАТ ФАЙЗИ

**Ты не
сирота**

Киноповесть

*Перевод с узбекского
Г. Марьяновского*

Безбрежное однотонно-серое небо. Клубятся громады тяжелых облаков, наползают друг на друга и, столкнувшись, вздымаются в гнетущем безмолвии. Небо...

И вдруг, словно черная молния, пронзает тучу тень фашистского бомбардировщика. Самолет пикирует, раздирая тишину устрашающим воем. Вой нарастает, становится все выше, резче, все более гнетущим и — разрешается глухим взрывом. И снова все повторяется сначала.

К прерывистому вою бомбардировщиков и тяжким стоном земли присоединяются новые звуки. Они вырастают в мелодию грозной героической симфонии. Это голос войны.

Пробившись сквозь облака, пикирует фашистский штурмовик.

Под ним широкая зеленая равнина, разрезанная извилистым проселком. Вдали полыхает село.

По проселку, прижав к груди черноволосого мальчишку, бежит женщина. Ветер сорвал с ее головы белую косынку, треплет седые пряди. В глазах женщины бьется страх.

Черная тень самолета настигает бегущую женщину. Пули частым градом секут землю у ее ног. Внезапно женщина пошатнулась, сделала несколько неуверенных шагов к одинокому обгорелому дубу, прислонилась спиной к стволу и, подгибая колени, стала медленно падать.

— Мамка!.. — испуганно вскрикнул мальчуган.

Несется вдоль дороги черная тень самолета. Как хищник, гонится она за маленькой фигуркой девочки. На мгновение накрывает ее, и нет уже на дороге маленькой фигурки.

— Мама! — несется вслед убегающей тени отчаянный детский вопль.

С грохотом распадается огненный столб взрыва, из-за кадра звучит детский голос:

— Мама!

Охваченный пламенем дом. Ползущие по улице немецкие танки. Крики детей:

— Мама!.. Мама!..

Дети на улицах. Дети в кузовах машин. Дети в телегах. Грязные, оборванные, раненные дети...

Очищается, светлеет небо. Легкие и воздушные, словно хлопковые, медленно плывут облака. Отступает, замирает вдали грозная симфония войны, и тихо рождается иная мелодия — спокойная и нежная, как пение жаворонка.

На фоне плывущих облаков возникает надпись:

«Шаахмеду Шамахмудову и Бахри Акрамовой, усыновившим четырнадцать осиротевших детей разных национальностей, родители которых погибли в боях с фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны, посвящается этот фильм».

И тотчас раздаются щемящие сердце женские причитания:

— Дитя мое! Родной мой! О, куда же ты, куда ты уходишь?!
Не оставляй меня, сынок мой!..

Невысокий дувал. Открылась двустворчатая калитка, и на улицу вышел высокий худощавый мужчина с вещмешком в руках. Маххаму-ака лет за пятьдесят. У него суровое, грубоватое лицо, изъеденное гарью кузнцы, густые насупленные брови, длинные усы, опущенные концами к подбородку.

Вслед за женщиной, обхватив плечи сына и бессильно повиснув на нем, вышла на улицу худенькая смуглая Фатима-апа. Горе придавило ее, помutilo взгляд.

— Не оставляй меня, сынок! Не уходи, Батырджан! — выкрикивает она сквозь слезы.

— Мамочка!.. Родная! — пытается утешить, успокоить ее Батырджан. — Не нужно. Я скоро вернусь. Вот увидишь...

Подошел неслышно старик-сосед и остановился безмолвно: что тут скажешь? Робко приблизилась какая-то девушка. Вышла из соседней калитки грузная, круглолицая женщина. И незаметно образовалось вокруг Батыра и его матери плотное людское кольцо. У одних на лице сострадание и печаль, у других — гневная решимость, а кое у кого — праздное любопытство.

Плачет Фатима-апа, прижимает к груди сына.

— Как же мы без тебя, Батырджан? Как я жить буду!

— Ну, мама... ну, не плачь, — беспомощно повторяет Батыр и, испытывая юношескую неловкость перед окружившими их людьми, осторожно освобождается от материнских объятий.

Маххам-ака бросил на жену строгий взгляд: «Ну довольно же!», и Фатима-апа отпустила сына.

— До свидания, мама, — сказал Батыр и повернулся к отцу. — До свиданья, отец... Провожать не надо... Успокой маму.

Отец и сын постояли рядом, глядя друг другу в глаза, будто навсегда хотели запомнить это мгновение. Крепко обнялись. Батыр потянулся за вещмешком, пожал руку отца.

— До свиданья, сынок... Один ты у нас — трудно... — с болью в голосе сказал Маххам-ака и отвернулся, чтобы скрыть накотившуюся слезу, а Батыр закинул за плечо вещмешок и быстро, не оборачиваясь, пошел по дороге.

Женщины сгрудились вокруг Фатимы, сочувствуя и стараясь утешить. А грузная круглолицая Бувиниса-хола сказала со вздохом:

— Какая польза от слез, соседушка? Война касается всех. Твой сын не один уходит.

Но Фатима-апа не слышит ее слов. Она молча смотрит вслед удаляющемуся Батыру, и в глазах ее застыло чувство, так хорошо знакомое и понятное всем матерям земли. Внезапно, словно

ухватившись за последнюю возможность удержать сына еще хоть на одну минуту, она закричала:

— Батырджан! Батырджан, ты забыл персики!

Батыр остановился.

Фатима-апа догнала его и, протягивая корзину с персиками, быстро заговорила:

— Они свежие... ты покушай... В дороге, знаешь, пригодятся... и товарищам тоже... Совсем свежие...

Батыр взял корзину, поставил ее на дорогу. Короткий миг они стояли безмолвно — мать, расстающаяся со своим ребенком, и сын, уходящий на возможную смерть. Затем Батыр нежно обнял хрупкую фигуру матери и, оставив на земле корзину с персиками, повернулся и пошел. Он идет посреди дороги, обрамленной с обеих сторон тополями, и кажется, будто они прощаль-но машут ему вслед своими зелеными вершинами.

Кружит в воздухе, медленно падает на мокрую мостовую желтый тополевый лист. Деревья оголились, и теперь уже не слышно их загадочного шепота. Неузнаваемо изменилась улица, по которой ушел от Фатимы ее сын. Много с той поры прошло тоскливых дней и ночей, наполненных воспоминаниями и предчувствиями, надеждой и отчаяньем. Но Фатима ждет.

Вот и сейчас сидит она на пороге калитки, завернувшись в теплый платок, сидит недвижимо, устремив взгляд в глубину вечерней улицы.

Проходят мимо нее люди — молодые и старые, в одиночку и парами, — и у каждого на лице своя печаль и общая забота. Доносятся до Фатимы обрывки фраз — клочки чужой жизни.

— Вчера передавали — Смоленск, а завтра... — нервно говорил своему спутнику пожилой военный.

— ...попробуй, подели фунт хлеба на три рта... — донесся разговор проходивших мимо женщин.

Пробежала по улице стайка неунывающих мальчишек.

— А у Бахтияра отец, знаешь, кто? Сержант!

— Тоже скажешь! Лейтенант. Сам видал.

Откуда-то издали ветер донес голос радиодиктора: «...четыре танка... Гранаты к бою!.. Пал смертью храбрых...»

Фатима сидела, неотрывно глядя вдаль. Она не заметила, как подошел и остановился над ней Махкам-ака, и, когда он окликнул ее, вздрогнула.

— А, отец, — поднялась Фатима с порога. — Поздно вы сегодня.

Они вошли во двор, посреди которого возвышалась глиняная супа, поднялись на айван.

— Пусто стало в нашем доме, отец. Холодно...

Махкам-ака устало присел на курпачу, поджав под себя ноги. Фатима достала из сундука меховую шапку, показала мужу. — Починила сегодня. Может, отправить ему? Пригодится, а?

— Вырос уж он из нее. Мала.

— Тогда на базар схожу. Другую куплю ему, побольше.

— Не нужно. Все у него есть.

— Только ласки материнской нет, — всхлипнула Фатима-апа. — Как он там, мой мальчик?..

— В тебе этой ласки, как воды в океане: двадцать сыновей залить ею могла бы. На всех хватило б.

— А нет ни одного, — удрученно вздохнула в ответ Фатима-апа.

Замолчали, каждый занятый своей думой.

Из-за дувала, с улицы, доносился детский гомон.

— Бей, Фаттах, бей по воротам!

И вдруг загудела и с грохотом упала на землю водосточная труба. Махкам-ака быстро поднялся, вышел на улицу и через минуту вернулся, ведя за руку упирающегося мальчугана.

— Я не хотел, дяденька. Мы в футбол играли. Я больше не буду, — и неожиданно громко заплакал. — Дя-аденька...

Махкам-ака подтолкнул его на айван, строго спросил:

— Что с тобой сделать?.. Как тебя наказать, сорванца?

Фатима-апа подбежала к мальчугану, заслонила его от мужа, сказала взволнованно:

— Не нужно его наказывать — он случайно. Правда, мальчик? Как тебя зовут?

— Фаттах, — ответил тот сквозь слезы.

— Ну вот и хорошо. А кто твой папа?

— Генерал. На фронте он самый главный.

— А мама где?

— Она на фабрике работает. Я теперь дома самый старший мужчина.

— Что ж это, старший, у тебя шапка в прорехах? — ласково рассматривала его Фатима-апа.

— В войну играли. Ранило меня вот сюда — порвалась.

— Да ты, наверное, голоден, Фаттахджан?

— Так, немножко только.

— Тогда садись, пообедаем вместе.

— Нет, меня ребята ждут... Отдайте мне мячик, тетенька, мы больше не будем.

— Отдам, отдам. А ты поешь с нами. Подождут тебя товарищи.

Махкам-ака внимательно наблюдал за этим разговором, и в грустных глазах его засветилась какая-то новая, очень важная и радостная мысль.

— Побудь с нами. Я тебе, знаешь, какую шапку дам? меховую! — уговаривала мальчика Фатима-апа и протянула ему меховую шапку Батыра. — Ну-ка, померь.

Фаттах надел шапку и утонул в ней.

— Велика, — сокрушается Фатима-апа. — Ну ничего. Ты посиди, я ее быстро ушью.

— Нет, мне идти нужно.

— Зачем торопиться? Успеешь.

— Да чего вцепилась ты в парня? — с напускным недовольством вмешался в разговор Махкам-ака. — Посиди, да поешь, да побудь! Не нужна ему твоя забота.

Фатима-апа рассердилась не на шутку:

— Черствая у вас душа. Недаром молотобоец. Только с железом обращаться и умеете.

— Так я пойду? — просительно произнес Фаттах.

— Иди, и чтоб больше здесь футбол не устраивали! — строго напутствовал его Махкам-ака.

А Фатима-апа все-таки умудрилась сунуть в руку мальчугана свежую лепешку.

Фаттах вырвался из неволи с ликующим кличем. И дружки приветствовали его появление ответным мощным «Ура!»

И снова воцарилась в доме Махкама-ака тягостная тишина.

— Не знаю, чем теперь и заняться, что делать с собой, — пробурчала Фатима-апа.

Махкам-ака ничего не ответил, только едва заметно улыбнулся.

По широкой асфальтированной улице, внимательно рассматривая вывески, идет Махкам-ака. Вид у него встревоженный, озабоченный. Вот остановился он перед воротами с надписью «Детский дом», нерешительно открыл калитку и переступил порог.

Картина, открывшаяся перед ним, была исполнена жестокого смысла. Дети — еще совсем маленькие и беспомощные — толпились в углу небольшого двора. У одних на лицах страх и растерянность, у других — беззаботные улыбки: они еще не способны осознать ужаса происходящего.

С болью смотрел Махкам-ака на грязных, оборванных детей, на перевязанную руку светлоголового мальчика, на изодранную куклу в руках кудрявой девочки. Отчужденно, в стороне, стоял восьмилетний мальчуган, прижимая к груди потрепанную книжку. Девочка, одетая кем-то в солдатскую гимнастерку, доходившую ей до щиколоток, горько и беззвучно плакала.

Махкам-ака долго смотрел на эти детские лица, на съежив-

шиеся, оборванные фигурки, и лицо его выдавало глубокое душевное смятение.

От группы женщин и стариков, собравшихся вокруг стола в противоположном конце двора, время от времени отделялся то один, то другой. Они подходили к детям, гладили их по нерасчесанным головам, угощали — кто конфетой, а кто и сухарем и, приседая на корточки, что-то тихо говорили.

У стола было шумно. Говорили все разом — нервно и громко. Иногда в говор людей врвался еще более громкий плач ребенка. А в ушах Махкама-ака звучала мелодия грозной симфонии войны — мятежная, трагическая мелодия, в которой эхо далеких взрывов перемешивалось с человеческим стоном и рыданием.

Из тяжелой задумчивости вывел Махкама-ака высокий женский голос. Махкам-ака обернулся к столу и увидел полную, средних лет женщину с энергичными, волевыми движениями.

— Дорогие сестры, отцы и матери! — говорила женщина за столом. — Мы переживаем тяжелые дни. Что тут долго толковать — сами знаете: война!.. Война лишила этих ребят родителей. Но наш народ не даст им остаться сиротами. У нашего народа доброе, щедрое сердце. Оно согреет их, как солнце... Уже многие увели отсюда своих новых сыновей и дочерей. Вот и вы...

Махкам-ака видит старика, поднявшего на руки русого мальчика. Рядом с ним женщина, приласкавшая кудрявую девочку.

— ...Усыновив детей украинцев, мы докажем, что и в трудный час испытаний остались верными друзьями и кровными братьями...

Девочка в украинском наряде аппетитно жует лепешку, не подозревая, что разговор идет сейчас о ней.

— ...Взяв на воспитание русского ребенка, мы лучше всяких слов скажем о своей преданности старшему брату...

Стоят, взявшись за руки и пугливо озираясь по сторонам, два русских мальчика.

— ...Наша человечность не позволит бросить на произвол судьбы эту маленькую молдаванку. Она нам не чужая. Она наша дочь!

Грустная, угрюмая сидит у забора девочка в молдаванском костюме.

— Мудрые слова говорите, сестрица, — одобрительно кивает седой старик.

— Правильно... Верно... А как же иначе! — единодушно откликается толпа.

— А записывать, оформлять кто будет? — подходит к столу женщина с кудрявой девочкой на руках.

— Пожалуйста, прошу вас.

Вслед за женщиной подошел к столу беловолосый старик с мальчиком, а за ним еще и еще.

Махкам-ака стоял на прежнем месте, задумчиво смотрел на детей, прислушивался к разговорам.

Принаряженная женщина громко говорила мужу:

— Я хочу, чтоб ребенок был красивый.

— Давай возьмем вот этого, — указал мужчина на худенького шести-семилетнего мальчугана.

— Ну что ты! — всплеснула руками женщина. — Куда нам такого хилого, белобрысого... Лучше возьмем девочку или вот этого милого, хорошенького. Ладно?

По лицу Махкама-ака пробежала болезненная гримаса, будто женщина наносила обиду ему самому. Он видел, как сверкнули слезы на веснушчатом детском личике, когда женщина присела около розовощекого большеглазого мальчика и протянула ему конфету. Он заметил, как снова сверкнула искра надежды в глазах веснушчатого, когда к нему направилась сгорбленная прихрамывающая старушка. Но старушка взяла за руку девочку в украинском платице. Веснушчатый наклонил голову и стал носком ботинка ковырять землю, чтобы никто не заметил его слез.

Но Махкам-ака заметил. Он медленно подошел к нему, положил руку на вздрагивающее худенькое плечико, спросил с неожиданно теплой интонацией:

— Чего плачешь?

Веснушчатый засопел, ответил сквозь слезы:

— А я не плачу.

— Молодец. Настоящий мужчина не должен плакать... А как звать тебя?

— Витя.

— Хорошее имя, красивое... Так я вот что думаю, Витя: не пойти ли нам пообедать?

Витя недоуменно посмотрел на сурового с виду, хмурого Махкама-ака и вдруг по-детски доверчиво прижался к его ноге.

— Пойдемте, дяденька.

— Вот это правильно. Пообедаем, обдумаем все хорошенько, а там сам решать будешь: понравится у нас — останешься, не понравится — скажешь, обратно приведу. Ладно?

— Ладно, дяденька, — прошептал Витя и поднял посветлевшее лицо.

Уже вечерело, когда сидевшая у калитки Фатима-апа заметила мужа. Он шел своей обычной неторопливой походкой, ведя за руку незнакомого мальчика. Фатима-апа поднялась, пытаясь разглядеть, кого же это ведет Махкам-ака. Но когда они подо-

шли, ничего не спросила, только внимательно осмотрела мальчи-
ка с ног до головы.

— Сына привел тебе. Примешь?

Фатима-апа растерянно засуетилась, заговорила взволно-
ванно:

— Что ж вы здесь стоите? Заходите, заходите же.

Витя смущенно затоптался на месте, потупил взгляд.

— Заходи, сынок, — ласково подтолкнула его к калитке
Фатима-апа. — Как твое имя?

И так как Витя упорно молчал, ответить пришлось Махкам-
му-ака:

— Его зовут Витя. Из Смоленска он. Отец — на фронте...
Мать при бомбежке...

— Здравствуй, сынок, — не нашлась что сказать Фатима-
апа. — Тебе будет у нас хорошо.

Она взяла Витю за руку и повела его за собой на супу.

Мальчик еще не освоился. Он сидел на краешке супы и ис-
подлбья рассматривал двор.

А Махкам-ака, наблюдая, как хлопочет вокруг Вити люб-
веобильная Фатима-апа, сказал с напускной строгостью:

— Кормить нас будешь?

— Сейчас, сейчас. Я ведь сегодня плов приготовила.

— Везет тебе, Витяджан. Как пришел, так сразу плов на
столе. Доброе начало.

Махкам-ака не спеша прошел на айван, снял верхнюю
одежду.

— Фатима-буви, ой, Фатима-буви! — раздалось из-за ка-
литки.

— Входите, соседка, — отозвалась Фатима-апа

Во двор вошла грузная, круглолицая Бувиниса-хола.

— Нет ли у вас молока до завтра? Купила на базаре —
скисло. Ах, чтоб скисла уже эта корова и ее хозяйка! — И
вдруг, заметив Витю, все так же сидящего на краю супы, гром-
ко спросила: — Это что за гость такой важный у вас? Яблоки,
наверное, в саду рвал, поймали? Я бы их всех, голодранцев, на
одно дерево повесила!

— Это наш сын, — спокойно ответила Фатима-апа.

— Сын?! — удивленно и вместе с тем недоверчиво восклик-
нула Бувиниса-хола. — Что-то я не заметила, когда вы его ро-
дили.

— Сегодня.

— Усыновили, значит. Сирота. Э-хе-хе, Фатима-буви, на-
прасно вы это делаете: сирота есть сирота — вы и ласкайте, и
хольте его, а он все чужим останется, как волчонок в отаре, —
говорит Бувиниса-хола, пока Фатима достает и наливает ей мо-
лока.

— Витя, поздоровайся с тетей, — не обращая внимания на пророчества Бувинисы-хола, спокойно сказала Фатима-апа. Но Витя заупрямился и ни в какую:

— Не хочу.

— Вот-вот, видите, — обрадованно подхватила Бувиниса-хола. — Вы еще намучаетесь с ним, помяните мое слово.

Желая прервать этот разговор, Махкам-ака крикнул с айвана:

— Ой, Фатима, кормить сегодня будешь?

— Иду, Махкам-ака, — отозвалась Фатима и предложила соседке: — Прошу вас, отведайте наш плов.

— Не могу, соседка, — некогда. Пойду уже.

Фатима-апа поставила хантахту, накрыла ее скатертью. А с улицы слышался взволнованный голос Бувинисы-хола: видимо, она тут же собралась соседок, чтобы поделиться с ними неожиданной новостью:

— Я и говорю, зачем вам это, уважаемая Фатимахон? Разве вашего Батыра уже нет в живых? И чужой все равно кровного своего не заменит. Не оберетесь вы с ним хлопот, с сиротой.

— Черные у вас мысли, Бувиниса-хола, — ответил ей низкий женский голос. — У нас говорят: кто дерево посадил — недаром жизнь прожил. А тут не дерево — живой человек, ребенок.

К разговору присоединилось еще несколько женских голосов.

— Какие муки выпали на долю детей! Бедняжки...

— Будь она трижды проклята, эта война!..

— Где нашла своего сироту Фатима-хола?

— А что, и вам на старости лет захотелось чужой бешик качать?

Женщины за дувалом зашумели, заговорили все разом, перебивая друг друга, и разобрать что-либо в этом общем шуме стало невозможно.

Махкам-ака махнул рукой, взял кувшин с водой, позвал Витю:

— Пойдем, сынок, руки помоем.

Голоса за дувалом стихли. Махкам-ака поливал из кувшина Вите на руки, думая о чем-то своем. Витя помыл руки, вытерся.

— Давайте я полью вам, — подошла Фатима-апа.

Махкам-ака отрицательно покачал головой, подождал, не догадается ли Витя сам, а затем позвал его и протянул кувшин.

— Ну, теперь ты мне полей... Вот, спасибо... — И, помыв руки, добавил: — Пойдем посмотрим, что там мать приготвила.

Махкам-ака поднялся на супу, сел, скрестив ноги. Витя по-

пытался сделать то же, но никак не мог удобно устроиться. Наконец он распрямил ноги и протянул их под хантахту.

Фатима присела и поставила перед ними блюдо с дымящимся пловом.

— Ешь, — пригласил Махкам-ака и, набрав пригоршню риса, отправил ее себе в рот.

Витя поискал глазами ложку и, не найдя ее, в замешательстве стал шарить под хантахтой. Махкам-ака догадался, что Витя так упорно там ищет.

— Ой, мать, дай-ка нам ложки! — крикнул он склонившейся над очагом Фатиме-апа и, когда она принесла, протянул одну ложку мальчику, а другой стал есть сам.

— Вкусно? — спросил он, когда Витя распробовал плов.

— Очень вкусно... просто замечательно! — восторженно отозвался Витя и вдруг застыл с ложкой в руке: над дувалом показались несколько озорных мальчишеских лиц.

Махкам-ака заметил их, сказал спокойно:

— Кто в гости — заходи через дверь, а на дувале не висеть!

Головы над дувалом мгновенно исчезли, и обед продолжался.

— Ну, сынок, останешься у нас? Нравится тебе? — спросил после небольшой паузы Махкам-ака.

Витя согласно кивнул и спросил с опаской:

— А вы меня выгонять не будете?

— Что ты, зачем же выгонять?.. Кто же выгоняет своего сына?.. А ты ешь, сынок, ешь плов...

В каждом возрасте — свои увлечения. Для семилетних мальчуганов такое увлечение — игра в чижика. И дети, которые шумели сейчас на улице у дома Махкама-ака, ничем не отличались от других своих сверстников. Они играли азартно, с полной душевной отдачей. Чтобы отвлечь их от этого занятия, требовалось происшествие необычайное, удивительное, как солнечное затмение или появление нового автомобиля. Таким именно необычайным происшествием стало появление на улице незнакомого мальчика. Они уже слышали, что Махкам-ака усыновил какого-то сироту, они даже успели разглядеть его через дувал, но встретиться с ним вот так, лицом к лицу, им довелось только сейчас.

Игра остановилась, смолкли азартные возгласы. Мальчики молча рассматривали новичка, который робко жался к калитке. Потом они так же молча подошли к нему, окружили.

— В чижика умеешь играть? — спросил наконец самый смелый.

— Умею.

— А как тебя зовут? — спросил другой.

- Витя.
- А меня — Карабай. Давай дружить будем, ладно?
- Давай.

Разговор оживился.

- Ты откуда приехал?
- Из Смоленска.
- Войну видел?
- Сам воевал!

— Правда? — восхищенно уставился на Витю чумазый мальчуган. — А бомбы видал?.. Я тоже видал — в кино, так пищит, пищит, а потом — ух!.. Аж страшно стало. А ты боялся?

— Испугаешься...

— У меня папа тоже на фронте, — похвастался мальчик в новенькой ферганской тюбетейке.

— А мне брат гармошку прислал, — с детской непоследовательностью заявил вдруг Карабай. — Послушай, как играет. — Он извлек из-за пазухи губную гармонику, начал неумело играть. — Нравится?

— Интересно...

— На, сам поиграй.

Витя взял гармошку, повертел ее, приложил к губам. Дул он что есть мочи, от напряжения раскраснелся, но песни все-таки не получалось.

— Не умею, — сознался он с сожалением.

— А ты дуй сильнее, тогда получится, — посоветовал Карабай. — На ней, знаешь, все можно сыграть.

— Витя! — раздался из дома голос Фатимы-апа.

— Зовут меня.

— Постой немного.

— Нет, пойду. Возьми гармошку, — сказал Витя, хотя по лицу его видно было, что расставаться с гармошкой ему очень тяжело.

— Оставь себе, — ответил щедрый Карабай. — Выходи потом, играть будем, ладно?

— Ладно, — обрадованно воскликнул Витя и побежал к

дому.

На многолюдной улице между двумя высокими домами втиснулась кузнечная мастерская. Гудит пламя в горне, звенит металл под ударами молота. В кузнице жарко — пот катится по лицу Махкама-ака. Отбросив готовую поковку, он подходит к раскрытому настежь окну, зачерпывает из бака холодную воду и жадно пьет.

Сквозь окно видна широкая улица. Сколько лет вот так, оторвавшись на минуту от кузнечного горна, смотрит на нее Махкам-ака. Кажется, все ему здесь знакомо — дома напротив,

и будка «Союзпечати», и хлебный магазин с широкими витринами. И все же Махкам-ака долго смотрит на улицу, узнавая и не узнавая ее. Так иногда встречаешь давнего друга и удивляешься: он и — не он. Ничего не переменялось у него в лице: все тот же нос, и те же глаза, и усы словно бы те же. И все же он не тот, каким был прежде. Очень внимательно нужно присмотреться к этому лицу, чтобы заметить причины перемены: новое выражение в глазах, новая складка у губ, новая морщина на лбу.

Новое выражение наложила война и на облик этой хорошо знакомой Махкаму-ака широкой городской улицы. Исчезли прохожие в ярких и нарядных костюмах, на стенах домов появились плакаты, с которых смотрели обезумевшие глаза женщины, и ветер, казалось, нещадно трепал ее всклокоченные седые волосы; у хлебного магазина напротив выросла очередь, и с каждым днем в этой очереди становилось все меньше молодых и все больше старых. Можно было подумать, что очередь стареет.

Махкам-ака тяжело вздохнул и отвернулся было от окна, но в последний момент взгляд его задержался на маленьком оборванце, стоявшем у дверей магазина с протянутой рукой. На мальчишке была изодранная рубашка, тяжелые большие башмаки, перевязанные проволокой, а на голове выдавшая виды зеленая шляпа с полями, закрывавшими ему пол-лица.

Женщина, вышедшая из магазина, отломил кусок хлеба, и мальчик поспешно спрятал его в тряпичную сумку.

Махкам-ака взялся за молоток, но глаза его нет-нет да и притягивала к себе жалкая фигурка беспризорного. А мальчишка у магазина встряхнул свою сумку и, убедившись, видимо, что сделанного запаса на сегодня достаточно, направился к кузнечной мастерской, с детским любопытством разглядывая горн, людей в кожаных фартуках, инструменты и поковки.

Махкам-ака весело подмигнул ему, и мальчик ответил широкой улыбкой.

— Водички нету у вас, дяденька? — совсем осмелев, спросил мальчуган. Судя по широкому скуластому лицу и косому разрезу глаз, он был казахом.

Махкам-ака кивнул на бак: пей, мол, сколько душа желает. Мальчик зачерпнул полную кружку и долго пил, продолжая наблюдать за работой кузнецов.

Неожиданно в оконном проеме выросла еще одна детская голова. Раскосый оборванец презрительно осмотрел незнакомца с ног до головы и отвернулся.

— Здравствуйте, герой! — приветствовал их вышедший из кузницы рыжебородый великан.

— Я вам, папа, обед принес, — кинулся к кузнецу опрятный мальчуган.

— Спасибо, сынок.

— Ешьте на здоровье.
— А ты кто такой? — обратился рыжебородый к оборвышу.
— Я? Сарсенбай! — бойко ответил тот.
— Откуда же это ты такой?
— Издалека. Джусалы, знаете? Оттуда.
— Пешком, что ли, шел?
— Зачем пешком? Поездом приехал.
— Видно, не в мягком вагоне. Может, умоешься?
— Бестолку это, дяденька. Сегодня умоюсь, завтра снова испачкаюсь.

— А отец-мать есть у тебя?
— Отца на фронте убили, мать умерла. Теперь я сам себе хозяин.

— Есть хочешь, хозяин?

Вместо ответа Сарсенбай потряс полной сумкой.

Кузнец ест, поглядывая то на сына, то на Сарсенбая.

— Поешь, — протягивает он сыну мозговую кость.

— Нет, папа, вы ешьте сами. Я уже обедал.

— Ешь, ешь!

Сарсенбай завистливо прислушивается к этому разговору, бросает на опрятного мальчугана неприязненные взгляды.

— Эй, мастер! — позвал голос из мастерской. — Вы скоро?

— Иду! — отозвался рыжебородый и, погладив сына по голове шершавой мозолистой ладонью, скрылся в мастерской. Он подошел к горну, взял клещи и посмотрел в окно: Сарсенбая там уже не было.

Фатима-апа стояла у прилавка книжного магазина, сосредоточенно рассматривала обложки.

— Нет ли у вас букваря? — спросила она немолодого продавца.

— Есть... Решили, значит, что учиться никогда не поздно? Правильно, тетя.

— Что вы, что вы, я для сына. — Фатима-апа открыла книгу, просмотрела и вернула обратно. — Пожалуйста, на русском.

— На русском? — удивился продавец, но расспрашивать не стал.

— И чернильницу, и ручку тоже, — попросила женщина.

...Возвращалась Фатима-апа вдоль железнодорожного полотна. Она шла, задумчиво глядя на снежные вершины гор, отчетливо вырисовывавшиеся на горизонте, шла торопливой, семенящей походкой, и лицо ее было согрето легкой ласковой улыбкой.

Грохот идущего поезда Фатима-апа слышала, когда он был уже совсем близко. Она остановилась и, поворачивая голову вслед за каждым проходящим вагоном, приветливо махала рукой. А из вагонов неслась бодрая песня. Ее пели молодые загорелые парни, чьи лица мелькали перед Фатимой в проемах ва-

гонных окон... Промчался поезд, стихла, растаяла в осеннем воздухе задорная песня молодых солдат, а Фатима-апа все еще стояла, и на лице ее уже не было прежней ласковой, задумчивой улыбки. Может быть, потому, что в этот момент ей представился Батыр? Как он там? Что с ним?

Фатима-апа встрепелась и быстро пошла дальше. Она не остановилась, чтобы приветствовать встречный поезд, и только когда первые вагоны поравнялись с ней, на ходу повернула голову, посмотрела и застыла на месте: к вагонным окнам прилипли бледные детские лица. Перед ней прошел вагон с сорванной крышей, другой со следами пожара. Кое-где разбитые вагонные окна были занавешены одеялами, простынями, рубашками. Вдоль вагонов крупными белыми буквами были сделаны надписи: «Минск», «Киев», «Смоленск», «Харьков», «Смерть фашистским оккупантам!..»

Тяжело пыхтя на подъеме, поезд медленно прополз мимо Фатимы. Прополз и скрылся. А она еще долго стояла и взволнованно смотрела ему вслед.

Резвая девушка с сумкой почтальона шла по улице, где живет Махкам-ака. Бувиниса-хола, стоявшая у калитки, окликнула ее:

— Салтанат!

— О, Бувиниса-хола, здравствуйте!

— Кому это письма ты принесла?

— Вам нет, тетя.

— Всю ночь видела какие-то сны... А это кому, что у тебя в руках?

— Махкаму-ака.

— От сына, наверно, а?.. Ты слышала, они взяли мальчика, не то русского, не то еврея. Некрасивый такой... И зачем им это нужно? Все равно сыном для них не станет.

Салтанат с негодованием посмотрела в глаза Бувинисе-хола, ответила холодно:

— Подрастет он, тетя, красивым станет. Главное, чтоб лицо рябым не было. — Салтанат ушла, а Бувиниса-хола провела ладонью по своему изъеденному оспой лицу и яростно сплюнула: — Дурная девчонка! Чтоб тебе жениха не дожидаться!

Салтанат вошла в соседнюю калитку, поприветствовала хозяйку:

— Здравствуйте, Фатима-апа!

— Проходи, проходи, Салтанат. Добрые вести принесла, голубушка моя?

— Письмо вам от Батыра-ака.

Дрожащими руками Фатима разрывает конверт и, отойдя в сторону, читает, то хмурясь, то удовлетворенно улыбаясь...

- Не скучаешь, Витя? — спрашивает Салтанат.
- Нет. Отец качели устроил. Хотите покататься?
- И рада бы, да дел уйма.

Фатима-апа вернулась, и нельзя было не заметить, что глаза ее лучатся счастьем.

— Ну, я вижу, у Батыра все в порядке.

— Да, доченька. Только письмо это шло две недели. А что с ним сейчас?

— Сейчас он, мама, наверное, в атаку идет, — «успокоил» Витя Фатиму-апа.

— Молчи, глупый! — прикрикнула на него Салтанат.

— Маленький еще. Вырастет — поймет... Ой, а вы куда это уже собрались? Посидели бы, чай попили.

— Не могу, Фатима-апа. Видите, сколько еще у меня писем! А их сейчас ждут в каждом доме.

— Твоя правда, доченька. Не буду тебя удерживать.

— До свидания.

— Будь счастлива, голубка.

Фатима-апа проводила Салтанат до калитки, взяла какой-то узелок и подозвала Витю:

— Мне, сынок, сходить еще по одному делу нужно. Ты веди себя здесь хорошо. А я скоро вернусь.

— Хорошо, мама. Только возвращайтесь поскорей.

Мальчику было лет семь. Казалось, он едва переставляет ноги, и если бы не рука Фатимы, которая крепко сжимала его маленькую худую ручонку, он бы не сделал и шагу. Просто повалился бы на тротуар и уснул.

— Идем же, Остап, уже близко, — подбадривала мальчика Фатима.

Он плелся за ней, как во сне, ничего не отвечал и, может быть, ничего не понимал.

— Вот мы и пришли, — сказала Фатима-апа, ведя его за собой в калитку. — Витя, где ты?

А Витя сидел на дереве и старательно остругивал палку.

— Спускайся сейчас же! Упадешь... Вот я тебе товарища привела. Остап. Поиграйся с ним, пока я обед готовлю.

Витя спустился на землю без особой радости. С видом равнодушным и даже разочарованным он смотрел на Остапа, присевшего на край супы, и, не обмолвившись с ним ни словом, начал усердно дуть в подаренную ему гармошку.

Остап уныло рассматривал двор, не проявляя интереса даже к Витиной гармошке.

Смена в кузнице заканчивалась поздно. Уже давно закрылся хлебный магазин напротив и разошлась очередь. Уже поределели на улице пешеходы и одинокими казались полупустые трамваи...

Махкам-ака сложил инструмент, снял спецовку и, устало пожав руку своему помощнику, вышел из мастерской. Он прошел мимо одинокой фигуры, прижавшейся к стенке в тени подъезда, не заметив ее. А фигура отделилась от стены и пошла за Махкамом-ака. Она следовала за ним, явно желая обратить на себя внимание. Но утомленный трудным днем, Махкам-ака ничего не замечал, не оборачивался. Тогда шустрая фигура обогнала кузнеца и остановилась на его пути под фонарем. Теперь не обратить на нее внимания было уже невозможно.

Махкам-ака приблизился к фонарю, бросил взгляд на одинокую фигуру и остановился.

— Сарсенбай? Ты?

Сарсенбай смотрел на него тоскливо и жалобно.

— Что ты здесь делаешь?

Мальчик насупился, молчал.

— Пойдем ко мне, — предложил Махкам-ака. — Переночуешь, а там видно будет.

Сарсенбай сверкнул маленькими глазками, доверчиво прижался к Махкаму-ака и неожиданно разрыдался.

— Перестань, пожалуйста. Сейчас не время. Пойдем.

Сарсенбай утер слезы и зашагал рядом с Махкамом-ака по полутемной улице, отдыхающей после напряженного и тревожного дня.

Махкам-ака и Сарсенбай подошли к калитке, освещенной только серебристым лунным светом. Махкам-ака постучал, и вскоре ему ответил сонный голос Фатимы:

— Вы, отец?

— Нас тут двое, мать. Примешь еще одного сына?

Фатима-апа отворила калитку, растерянно развела руками:

— Еще одного?

Они прошли на айван. Махкам-ака снял пиджак и наклонился над Витиной постелью. Но каково же было его удивление, когда он увидел на подушке рядом с Витиной еще одну мальчишескую голову. Махкам-ака повернулся к жене, и в глазах его был немой вопрос.

— Я сама не знаю, как все случилось, — виновато опустив глаза, сказала Фатима-апа. — Эшелон с детьми прибыл. Я из магазина шла — мимо проехал... Лица у всех исхудалые, несчастные... Думаю, отнесу им что-нибудь поесть. Взяла что было,

пришла на станцию. А там такое — сердце разрывается. Не выдержала, взяла одного...

— Гм-м... — задумался Махкам-ака.

— Украинец, Остапом зовут... Все печальный такой. Видно, много горя хлебнул... И есть даже не стал.

Махкам-ака постоял над постелью, затем подошел к жене и сказал тихо, чтобы не слышал сидевший неподалеку Сарсенбай:

— Ладно, жена. Тогда этого я завтра в детдом отведу.

— Ой, как же это можно: сегодня привести, завтра отвести?!

— Трудно будет, думаю.

— Ничего. С двумя трудно, с тремя не будет трудней. Пусть останется, — и, обернувшись к задремавшему уже мальчугану, спросила: — Как тебя зовут?

— Сарсенбай, — ответил тот, с трудом открывая глаза.

— Иди, сынок, поешь — и ложись. Завтра тебя отмою.

Витя и Остап еще спали, хотя солнце — ласковое осеннее солнце — уже позолотило и полуоголившиеся деревья, и крыши соседних домов, пронизало воздух упругими лучами.

Пристроившись на супе, Махкам-ака старательно брил голову Сарсенбаю. Мальчик ерзал, нетерпеливо поглядывая на своего парикмахера, и, видимо, огромного напряжения воли стоило ему, чтобы не вырваться и не убежать.

Фатима-апа внесла на айван большой таз с горячей водой. От шума, который он создавал, проснулись сразу и Витя и Остап. Какое-то время они удивленно наблюдали за необычным занятием Махкама-ака, рассматривали такую смешную сейчас фигуру Сарсенбая.

— Этот дядя — мой папа, понял? — сказал Витя хвастливо, так, чтобы Остап навсегда запомнил: Махкам-ака Витин папа и ничьим больше папой быть не может.

Остап ничего не ответил. Он продолжал, не отрывая глаз, смотреть на Махкама-ака. А тот, закончив брить Сарсенбая, поднялся на айван и, заметив, что дети уже проснулись, подошел к их постели:

— Доброе утро, ребята! Ну, как спалось? Что снилось?.. Вставайте, завтракать будем... Мать, теперь и искупать его можешь.

Фатима-апа принесла мыло и полотенце, сказала Сарсенбаю:

— Раздевайся!

Сарсенбай снял рубашку, ботинки и застыл в нерешительности.

— Ну, раздевайся же!

Но мальчик крепко схватился за штаны, словно их хотели снять с него насильно.

— Вода остывает — снимай же поскорей!

— Не сниму! — буркнул Сарсенбай.

Фатима-апа переглянулась с мужем, улыбнулась.

— Ладно, мать, я сам его искупаю, — сказал Махкам-ака, — ты выйди пока отсюда.

Фатима-апа ушла в комнату, а Сарсенбай, предварительно оглядевшись по сторонам, снял штаны.

— Лезь!

Мальчик залез в таз, и вода сразу же потемнела.

Долго отмывал Махкам-ака многослойную грязь с тела Сарсенбая. Тот морщился, вздрагивал, но переносил и это испытание стически. А кто получил истинное удовольствие, так это Витя. Он вертелся вокруг таза и хохотал, когда Сарсенбаю в глаза попадало мыло, плескал в него водой из кружки, словом, забавлялся как мог. Махкам-ака пытался было его унять, но потом и сам стал улыбаться, наблюдая за баловством сынишки.

— А ну-ка, Витя, бери мочалку и мыло да три ему спину как следует! — весело предложил Махкам-ака.

Витя вдруг остановился, произнес брезгливо:

— Он грязный.

— Вот ты его и отмой.

— Да ну его! Пусть сам моется.

— Думаешь, когда ты пришел, был чище?

Витя насупился.

— Э, нехороший ты, оказывается, человек! Разве так к брату относиться можно? Вы должны друзьями быть, помогать друг другу... Ну, бери мочалку!

Витя не пошевелился даже. Его неожиданное упорство озадачило Махкама-ака. Он бросил на Витю гневный взгляд, но сдержался и спокойно позвал Остапа:

— Иди, сынок, помоги мне отмыть этого бродягу.

Остап послушно взял мочалку и начал неумело тереть спину Сарсенбая.

— Вот молодчина! — похвалил его Махкам-ака. — Ну-ка, сильнее его, сильнее!.. Так... Молодец, сынок!

И тут Махкам-ака заметил, что на глазах Остапа появились слезы. Они потекли по щекам, закапали на пол. Но еще прежде чем Махкам-ака успел спросить Остапа, что с ним случилось, раздался громкий плач с другой стороны. Рыдал Витя. Махкам-ака поднялся, сделал к нему несколько шагов, и в это время заплакал в полный голос Остап. Получался такой сложный дуэт: Витя заливался на высоких нотах, звонко и переливчато, Остап вторил в низком регистре, мягким грудным голосом.

Махкам-ака растерянно развел руками, переводя взгляд с

одного на другого, затем повернулся к Сарсенбаю, все еще сидящему в тазу, и крикнул:

— А ты чего ж? Плачь! Ну!

Сарсенбай понял это как команду. К тому же, как известно, плач, подобно смеху, вещь заразительная, и Сарсенбай скривился, прислушался к ритму дуэта и пустил первую руладу.

Из комнаты выбежала перепуганная Фатима-апа.

— Что такое? Что случилось? Отчего они плачут?

Махкам-ака пожал плечами: не знаю.

— Обидел?

И тут Махкам-ака не выдержал.

— Молчать! — крикнул он грозно. — Ну!

И плач мгновенно смолк.

— Ты, — указал он на Витю, — отчего ты плачешь?

— А почему вы говорите ему — сынок? — указал он на Остапа. — Ваш сын я.

— Ты мой сын, и он мне сын, и Сарсенбай тоже. Вы все братья. Все вы наши дети.

Видно было, что ответом Махкама-ака Витя остался недоволен, но заплакать снова побоялся.

— Ну, а ты чего голосишь, как курица, снесшая яйцо? — спросила Фатима-апа у Сарсенбая.

— А чего они?

— Значит, за компанию? — улыбнулся Махкам-ака. — Ничего не скажешь — настоящий товарищ, во всем поддержит.

Остап стоял в стороне и продолжал тихо всхлипывать.

— Теперь твоя очередь. Говори, чего плакал? — положил ему руку на плечо Махкам-ака.

— Сестренку потерял.

— Когда?

— Вчера, на вокзале... Мама, когда умирала, сказала мне: «Кроме Леси, нет у тебя никого. Будьте всегда вместе...» А я потерял.

— Ах, бедный мой! — сочувственно всплеснула руками Фатима-апа. — Что ж ты сразу мне не сказал!

— Ну ладно, будет плакать! — сказал решительно Махкам-ака. — Найдем твою сестренку... Мать, собери его! Пойдем со мной.

И снова знакомый уже двор детдома. Махкам-ака и Остап стоят перед столом заведующей.

— Леся Гриценко? — переспрашивает она, просматривая списки. — Леся Гриценко... Нет, такой у нас не было.

— Простите за беспокойство.

Другой детдом. Махкам-ака и Остап в сопровождении пожилого человека в длинном полосатом халате выходят из ворот.

— Попробуйте в двенадцатый зайти. Может быть, там...

— Благодарю, — говорит Махкам-ака и, взяв Остапа за руку, уходит.

Остап следовал за Махкамом-ака, не отставая от него ни на шаг. Вместе пересекли они улицу, свернули за угол и вошли в чайхану.

В глубине чайханы, на почетном месте, восседали два старика. Поближе к двери расположилась небольшая компания. Вошедших никто не заметил.

Белобородый старик, уставившись на репродуктор, застыл с пиалой в руке. Внимательно прислушивается к голосу радиодиктора пожилой мужчина. Чайханщик, стараясь не шуметь, поставил вытертую пиалу и подошел ближе к репродуктору.

— ...После ожесточенных боев наши войска оставили город...

Чайханщик раздосадованно повернул ручку. Репродуктор щелкнул и замолк.

Несколько минут в чайхане стояла напряженная тишина. Наконец белобородый нарушил молчание:

— Оставили город... Сколько вот таких городов уже оставили!.. А враг все идет и идет... Много земли нашей уже захватил.

— Города он может захватить, а народ наш покорить — никогда, — ответил второй старик. — Гнев народа — великая сила. Нахлынет — как море: все сотрет, все уничтожит!

Махкам-ака и Остап сидели на деревянной супе недалеко от входа. Перед ними на подносе лежала разломанная лепешка. Изголодавшийся Остап взял кусочек, откусил и, разжевывая его, продолжал заинтересованно рассматривать посетителей.

— Остап! — негромко окликнул его Махкам-ака.

Мальчик обернулся. Тогда Махкам-ака взял у него лепешку, перевернул верхней стороной вверх и отдал обратно.

— Ешь... О, Гани! — позвал Махкам-ака чайханщика.

Гани появился с двумя чайниками.

— Ассалам алейкум!

— Вaleyкум ассалам! — поприветствовали они друг друга.

— Как ваши сыновья?

— Спасибо, живы-здоровы.

— А знаете, Парпи-ака, что на нижней улице, тоже ребенка усыновил, — рассказывал чайханщик Махкаму-ака. — И сапожник... у хауза живет, он сразу троих: мальчиков и девочку. Только вчера.

— Девочку?

- Сам видал. Такая светлая, голубоглазая.
- Вчера, говорите?
- Да, вечером привел, — отвечал словоохотливый чайханщик.
- Благодарю вас.
- Чайханщик отошел, а Махкам-ака спросил у Остапа:
- Твоя Леся какая — светлая?
- Ага.
- Голубоглазая?
- А еще у нее такие косички с бантиками.
- Тогда пойдем... Наелся?
- Очень хорошо наелся. Спасибо.

Дом у хауза, окруженного стройными тополями. У калитки разговаривает с незнакомой женщиной Махкам-ака. О чем они беседуют, не слышно. Но вот женщина приоткрыла калитку и крикнула во двор:

— Доченька! Иди сюда.

На улицу выбежала шустрая голубоглазая девочка лет пяти.

Махкам-ака посмотрел на Остапа, но тот оставался равнодушным: нет, это была не Леся. Женщина еще что-то сказала Махкаму-ака, затем он попрощался с ней и вместе с Остапом устало зашагал по улице.

Уже было совсем темно, когда уставшие и запыленные Махкам-ака и Остап подошли к колхозному клубу на окраине города. Махкам-ака постучался в массивную резную дверь. Открыл ему заспанный сторож.

— Пожалуйте.

— Простите, что беспокою в такой поздний час. Ищем сестренку вот этого мальчугана. Вчера эшелоном прибыла. Говорят, часть детей в вашем клубе разместили.

Сторож внимательно посмотрел на Махкама-ака, потом на Остапа, сказал нерешительно:

— И рад бы вам помочь, да как? Списки у директора, а он домой ушел, дети спят. Может?.. Пойдите... А если... Сестренку свою узнаешь? — спросил он у Остапа, и тот утвердительно кивнул головой. — Тогда вот что, — продолжал обрадованный сторож, — пойдешь в зал, сам посмотришь. Только — ша, чтоб никого не разбудил!

— Вот спасибо вам, дорогой. Очень нас выручите, — приложил руку к сердцу Махкам-ака.

— Да чего там! Пошли!

Они остановились в открытых дверях большого клубного зала. На кроватях, плотно сдвинутых друг к другу, спят дети.

— Иди, да потише, — шепнул сторож. И Остап пошел.

Он шел в полумраке зала по узкому проходу между кроватями, заглядывая в лица детей... Леси не было.

— Нет, — огорченно сказал он, вернувшись к дверям, и низко опустил голову.

— Нет, — повторил за ним упавшим голосом Махкам-ака.

— А ты хорошо смотрел? — сочувственно спросил сторож.

— Хорошо.

— Да, дела... — раздосадованно дернул себя за ус клубный сторож. — А в третьем детдоме были?

— Были, — безнадежно махнул рукой Махкам-ака.

— А в шестом?

— И в шестом были.

— На Сассык-хаузе еще есть. Новый открыли.

— В двенадцати детдомах побывали сегодня.

Сторож понимающе глянул на Остапа, на Махкама-ака и, не зная, чем им помочь или хотя бы утешить, тяжело вздохнул.

— Не убивайтесь, брат, найдется девочка... обязательно найдется...

Трамвай медленно тащился по ночным, тускло освещенным улицам. На поворотах он душераздирающе визжал и, видимо, сам испуганный этим визгом, начинал оглушительно звонить — наверное, для того, чтобы звоном подбодрить самого себя и успокоиться до следующего поворота.

Остап сидел у открытого окна, понуро опустив голову. Рядом с ним задремал Махкам-ака.

Наплывали и уходили во мрак освещенные окна, подъезды, витрины магазинов. Иногда Остап различал фигуры прохожих. И вдруг его словно подбросило.

— Леся! — закричал он и сильно дернул Махкама-ака за рукав.

— Что?.. Где?

— Да вон, вон пошла... с какой-то тетей... Леся! — крикнул он в снко.

— Пстой! — Махкам-ака схватил Остапа и быстро подошел к вагоновожатому. — Будьте добры, остановите, пожалуйста.

— Не могу — запрещается, — равнодушно ответил вагоновожатый, даже не взглянув на Махкама-ака.

— Леся... Понимаете, там Леся! — волнуясь, объяснил Махкам-ака. — Весь день искали... Сестра вот Остапа... Я прошу вас...

Вагоновожатый обернулся, и, хотя из сбивчивой речи Махка-

ма-ака трудно было что-либо понять, он все же догадался, что трамвай остановить нужно.

Махкам-ака спрыгнул, подхватил и поставил на землю Остапа, и они вместе побежали в обратную сторону.

Темно. Большой грузный мужчина и маленький исхудалый мальчуган бегут по улице.

— Ле-еся!.. Ле-еся! — кричит срывающимся голосом Остап.

В тишине улицы его голос отдается эхом.

— Ле-еся!

...Девочка, шагавшая рядом с пожилой женщиной, остановилась, прислушалась.

— Остап! — воскликнула она обрадованно.

Женщина подождала, прислушалась, но крика больше не было.

— Тебе просто показалось, детка. Идем.

— Нет, это Остап!

— Ле-еся! — донесся издали голос Остапа.

Теперь его слышала и пожилая женщина.

— Пойдем быстрее! — воскликнула женщина и вместе с Лесей быстро пошла в сторону, откуда раздался этот голос.

Махкам-ака и Остап выбежали на широкую площадь в тот момент, когда с противоположной ее стороны показались пожилая женщина и Леся. Брат и сестра кинулись навстречу друг другу. В центре площади, окруженной газонами цветов, они встретились.

Махкам-ака и женщина приближались к ним с разных сторон.

— Абдурахманов, — представился Махкам-ака, когда они оказались рядом.

— Киселева.

Они наблюдали за детьми, и лица их светились счастьем.

— Боже, как это... как это замечательно, что они нашли друг друга, — сказала Киселева и незаметно вытерла глаза. А через минуту она обеспокоенно глянула на Махкама-ака и с тревогой в голосе спросила: — Что же мы теперь будем с ними делать?

— Разлучать их нельзя.

— Конечно. Это было бы настоящим преступлением.

— Значит, либо мальчика — вам, либо девочку — мне, — рассуждал Махкам-ака.

— Я возьму его себе... Правда, двоих мне будет, наверное, трудно... Но ничего, справлюсь.

— А может быть, лучше я их возьму? Все же...

— Нет-нет, я к ней уже очень привыкла, — сказала женщина и, словно желая удержать Лесю, крепко взяла ее за руку.

Остап, заметивший это движение, решил, что его снова хотят

разлучить с сестренкой, и, ухватив Лесю за другую руку, потянул к себе.

— Не отдам!

Махкам-ака и Киселева переглянулись.

Остап вбежал во двор с ликующим возгласом:

— Нашли!.. Нашли Лесю!

Фатима-апа подошла к Лесе, наклонилась, обняла ее.

— Здравствуйте, — застенчиво промолвила девочка.

— Здравствуй, моя дорогая, моя хорошая, — целует ее Фатима-апа.

Махкам-ака устало опустился на супу. А за его спиной выросли две мальчишеские головы. Это проснулись Витя и Сарсенбай.

— Вот она, моя сестренка, Леся! — спешит поделиться с ними своей радостью Остап и, повернувшись к сестренке, объясняет: — Это вот Витя, а это Сарсенбай.

Леся дружелюбно улыбнулась и сделала реверанс, которому ее, вероятно, обучили в детском саду.

— Очень приятно.

Сарсенбай прыгнул с постели, подошел к Лесе, осмотрел со всех сторон и, подражая ей, сказал:

— Очень приятно.

А Витя, сидя на постели с недовольным, хмурым лицом, буркнул:

— А чего приятного? Подумаешь, девчонка! Фи-и!.. Дармоед только в доме, и все.

Леся испуганно прижалась к брату.

— Хозяин, что ли, ты здесь?! — рассердился Остап.

— Хозяин! Я первый пришел сюда!

Фатима-апа у супы разговаривала с мужем:

— Завтра нужно в школу их повести. Этих двух можно в русскую, а как быть с Сарсенбаем?

— Что же делать — пусть лучше учатся в одной школе. Не разлучать же их.

Утром Фатима-апа собирала детей в школу. Она спустилась с айвана с двумя старыми портфелями Батыра:

— Вот тебе, Витя, а этот Остапу.

Сарсенбай надулся, обиженный, отошел в сторону.

— А ты, Сарсенбай, дай свои книги, я заверну их в газету.

Фатима-апа старательно завернула книги Сарсенбая, еще раз осмотрела ребят — чистых, принаряженных в старые Батыровы

одежды. Затем взяла сапожный крем и до блеска начистила их не очень новые, залатанные ботинки.

— Ничего, сынок,— говорит она Вите,— завтра отец новые принесет.

Фатима-апа вошла в дом, а в это время Леся, неотступно следовавшая за Остапом, азяла его портфель, внимательно осмотрела, затем то же сделала с Витиным портфелем и совсем неожиданно показала Сарсенбаю язык:

— А у тебя нет, ага!

Желая отомстить обидчице, Сарсенбай погнался было за ней, но в это время во дворе снова появилась Фатима-апа. Она вынесла три куска хлеба и, завернув их в газету, отдала ребятам. Остап и Витя положили хлеб в портфели, а Сарсенбай повертел его в руках и тут же тайком начал есть.

— Мама, а Сарсенбай ест хлеб,— разоблачила его Леся.

— Сынок, ты ведь только позавтракал. Я дала, чтобы ты в школе поел.

Сарсенбай завернул хлеб и направился к калитке, бросив на Лесю угрожающий взгляд.

— Ну, идемте,— сказала Фатима-апа, взяв за руку Лесю, вышла на улицу. Вслед за ней вышли Витя и Остап. Они постояли на улице, дожидаясь Сарсенбая, но того все не было. Наконец, Фатима-апа вернулась во двор. Сарсенбай стоял, повернувшись лицом к дувалу, и горько плакал.

— Ой, что случилось? — воскликнула Фатима-апа. — Что ты плачешь?

— Не пойду я в школу!

— Почему?

— Без портфеля в школу не ходят, я знаю.

— Сказала ведь, будет у тебя портфель, новый. Отец принесет.

— Да, новый... новый... — плачет Сарсенбай. — Вы только их любите.

Фатима-апа задумалась, позвала:

— Витя!.. Отдай, сынок, свой портфель Сарсенбаю. Тебе отец...

— Да ну его! Не отдам!

Фатима посмотрела на него строго, осуждающе, а Витя еще больше надулся и отошел.

— Остап, отдай ты, — ласково говорит Фатима-апа. — Ты ведь хороший мальчик.

Остап молчит, прижимая к себе портфель обеими руками.

Фатима-апа посмотрела на одного, на другого и, ничего не сказав, отобрала портфель сначала у Вити, затем у Остапа. Вынула книги, тетради, завтраки, отбросила портфели в сторону, сказала тоном, не терпящим возражений:

— Держите!

Витя и Остап покорно приняли из ее рук содержимое портфелей. Лицо Сарсенбая, наблюдавшего за этой сценой, прояснилось и посветлело настолько же, насколько помрачнели физиономии Остапа и Вити.

— Пошли! — приказала Фатима-апа.

Соседки, разговаривавшие на улице, оглянулись.

— Здравствуйте, Фатима-буви! — приветствовали ее.

— Асалам алейкум!

— В школу ведете?

— Ох, какая хорошенькая девочка! — восклицает одна из соседок, беря Лесю на руки. — Ты тоже в школу идешь?

— Закапризничала, не хочет от братьев отставать, — ответила за Лесю Фатима-апа.

— Дай вам бог здоровья, Фатима-буви! Большое у вас сердце, — говорит старуха в теплом пуховом платке. — Вот вырастут они, сторицей вознаградят вас и за заботы, и за вашу любовь.

— Порадуют, говорите вы? — бойко вмешалась в разговор Бувиниса-хола. — Как бы не так! Вскормишь отбившегося ягненка — живот полней будет, сироту вырастишь — сердце опустошит.

— Плохими словами уста свои оскверняете, соседка, — обрвала Бувинису-хола старуха в платке. — Стыдно так говорить. И доброму слову, и недоброму ангелы говорят — аминь...

В школьном коридоре сутолока и шум. Скоро прозвенит звонок, и тогда коридор опустеет. А пока мчатся по нему, сломя голову, раскрасневшиеся мальчуганы. Что-то кричат, перебивая друг друга, озорные девчонки с аккуратно заплетенными косичками. Бушует море детских голосов. И, словно разрезая волны этого штормового моря, идет по коридору Фатима-апа, а за ней тянутся гуськом Леся, Остап, Витя, Сарсенбай. Нелегко пройти это море, не напоровшись на какой-нибудь риф: того и гляди ударит в лоб неожиданно, с треском распахивающаяся дверь. Фатима-апа осторожно лавирует, время от времени оборачиваясь и поглядывая на своих питомцев. У Вити вид испуганный, ошеломленный. Остап чувствует себя свободней, он даже улыбается, наблюдая за ребяческими забавами. А Сарсенбай, пока Фатима-апа на него не смотрит, успевает дернуть за косицу какую-то зазевавшуюся девчонку, подставить ногу бегущему пареньку.

Наконец, вся эта процессия благополучно добирается до дверей с табличкой «Директор». Фатима-апа стучится и, не получив ответа, заходит в кабинет, оставив детей в коридоре.

— Входите, входите, — приветливо встречает ее директор —

женщина в роговых очках, с толстой косой, обмотанной вокруг головы.

— Детей вот привела...

В это время, тихо открыв дверь, в комнату вошла Леся. Фатима-апа остановилась на полуслове, попыталась выставить девочку обратно в коридор, но директор, улыбнувшись, сказала:

— Оставьте, ничего. Эту вы привели в школу?

— Нет, старших привела.

— Что же вы так поздно? У нас уже все занято — нет мест. Очень сожалею, но придется вам идти в другую школу.

— Да, но ведь раньше...

— Ничего не могу для вас сделать.

Директор проводила Фатиму-апа до дверей и тут увидела Витю, Остапа и Сарсенбая.

— А вы почему здесь стоите?.. Почему не идете в класс?

— Так это же мой,— пояснила Фатима-апа.

— Они все — ваши? — удивилась директор.

— Да.

Ничего не понимая, директор пожимает плечами, приглашает детей в кабинет и, усадив, разглядывает сначала их, а потом Фатиму-апа.

— Как их фамилия?

— Они все Абдурахмановы.

— Абдурахмановы?.. Кузнеця Абдурахманова?

— Да.

— Ну так что же вы! Так бы сразу и сказали,— и повернувшись к Остапу, директор спрашивает: — Как тебя зовут?

— Остап.

— Это мой брат,— хвастливо вставляет Леся.

— Очень хорошо. А тебя?

— Витя.

— Тебя?

— Сарсенбай.

— Так... — на минуту задумалась директор. Затем сказала Фатиме-апа: — Найдём выход.

— Спасибо... Хотела спросить у вас. Эти двое,— Фатима-апа указала на Остапа и Витю,— будут учиться в русской школе. А Сарсенбаю не трудно будет? Думаю, не отдать ли его в узбекскую?

— Я хочу вместе с ними, — тут же закапризничал Сарсенбай.

— Вот видите... Пусть лучше будут вместе.

Зазвенел звонок. Директор поднялась, сказала:

— Ну, пойдёмте, провожу вас в класс.

Они вместе прошли по опустевшему коридору. Фатима-апа с Лесей остались у дверей, а мальчики последовали за директором в класс.

— Здравствуйте, дети! — сказала директор, и дети, поднявшись, ответили дружным хором:

— Здравствуйте!

— Привела вам трех братьев: Витю, Остапа и Сарсенбая. Будете дружить с ними?

— Да... будем... — ответил класс.

— Ну, садитесь, братья, — сказала директор и подошла к молодой учительнице. — Лидия Васильевна, запишите их в журнал, пожалуйста. Абдурахмановы.

Сказала и вышла. А ребятам стало почему-то страшно. Они сгрудились и стоят.

— Садитесь, — обратилась к ним учительница.

Они недоверчиво, исподлобья посмотрели на нее, но с места не сдвинулись.

— Садитесь! — повторила учительница.

И тогда Сарсенбай — самый смелый, самый решительный из них — прошел между партами и уселся на последней. Витя и Остап робко последовали за ним.

— Итак, ребята, начнем наш первый урок...

Фатима-апа сидела на айване, занятая починкой детских брюк. Рядом с ней устроилась Леся. Подражая взрослым, она бранила куклу за то, что та была непослушной и никак не хотела укладываться спать. Потом Леся качала ее на руках, шлепала и снова укачивала. Наконец, эта игра ей надоела и она попросила Фатиму-апа:

— Мама, шейте моей кукле настоящее платье.

Фатима-апа по-матерински ласково улыбнулась девочке и, достав цветной лоскут, начала шить кукле «настоящее» платье. А Леся пока продолжает воспитывать своего ребенка.

— Вот видишь, моя мама тебе платье шьет. Что надо сказать?.. Спасибо... Мама, а когда они уже придут из школы?

— Скоро, доченька... сейчас придут.

— Мама! А почему у Вити и Остапа четверки да пятерки, а у Сарсенбая только тройки?

— Потому что он занимается плохо.

— А вот и не потому. Он говорит: «Я не хочу учиться — скучно, я, говорит, хочу летчиком быть!..» Я вчера вечером слышала, как он Остапу и Витке рассказывал: «Удери я, — говорит, — на фронт, буду фрицев бить!»

— Сказал, удери?

— Так и сказал.

Издали доносится стук идущего поезда. Леся вскочила на супу, смотрит через дувал, но ничего разглядеть не может.

— Мама, покажите мне поезд.

Фатима-апа подняла Леся, и теперь она видит: мчится поезд, мелькают теплушки с солдатами в открытых дверях, проносятся груженные танками платформы.

Распахнув калитку, во двор вбегает Остап. За ним появляется Витя.

Леся спрыгнула с супы, повисла на шее Остапа:

— Какую отметку получил, ака? Пять, да?

— Сегодня отметки не ставили.

— А ты, Витька?

Витя снисходительно глянул на девчонку и с солидностью, несоответствующей его возрасту, ответил:

— Дело не в отметках, а в знаниях!

Фатима-апа скрыла улыбку лоскутом, который держала в руках.

— А где вы Сарсенбая оставили? — спросила она спокойно.

— Не знаю, — пожал плечами Остап. — На первом уроке поймал двойку и смылся.

— А что же вы его отпустили?

— Мы даже не заметили, когда, — оправдался Витя.

Фатима-апа осуждающе покачала головой:

— Плохие вы братья, плохие товарищи... Возьмите там обед, на плите, поешьте.

Ребята достали кастрюлю, разлили по тарелкам шурпу, молча едят.

Часто волнение закрадывается в душу маленькой ночной бабочкой. Она бьется, трепыхается где-то внутри и незаметно вырастает в зловещего черного ворона. Так обычно случалось с Фатимой-апа, когда дело касалось Батыра. И сейчас она снова испытала это хорошо знакомое состояние.

Сначала Фатима-апа почувствовала, что продолжать починку брюк она больше не может: иголка, вместо того чтобы пронизывать материал, уже несколько раз колола палец, нитка никак не хотела попасть в ушко иголки. Словом, работа валилась из рук. Фатима-апа нервно отбросила брюки и, не находя себе места, беспокойно заходила по айвану, то громыхая тарелками, то переключая глаженую мальчишескую одежду. Глаза ее лихорадочно горели, выдавая беспокойство, тревогу, страх.

— Куда он мог убежать? — спрашивала она, ни к кому не обращаясь.

Дети сидели за хантахтой и, видимо, догадываясь, что происходит в эти минуты в душе Фатимы-апа, боялись проронить слово. Даже резвая Леся замолкла, присмирела.

— Может, заблудился?

Молчание и, как ей казалось, безразличие детей к исчезновению Сарсенбая вызывало в ней яростный гнев. Временами она

поглядывала на них, поглядывала так, будто это они были во всем виноваты.

— Что же вы сидите! — набросилась она на ребят. — Куда он мог уйти?

Никто ей не ответил, и через несколько минут она заговорила снова:

— Столько машин... Боже мой, неужели он пошел на железную дорогу? Нужно позвонить в скорую помощь!.. Да!.. Витя, иди к отцу, скажи, пропал Сарсенбай. Пусть позвонит в скорую помощь, в милицию и еще... он сам знает, куда еще звонить нужно. Иди скорее.

— И что вы волнуетесь, мама? — «успокоила» Фатиму-апа Леся. — Он же сам сказал Остапу, что бросит школу и убежит на фронт.

— Он говорил тебе это? — строго спросила Фатима-апа Остапа.

— Говорил.

— А что же ты мне ничего не сказал?

— Он с меня честное пионерское взял.

— Эх, вы!.. Беги, Витя... И я пойду...

Фатима-апа схватила платок и быстро вышла на улицу.

Часы над дверями школы показывали четыре. Из дверей вышла Фатима-апа и растерянно огляделась по сторонам. Затем спустилась со ступеней и быстро пошла по направлению к большой оживленной улице. У трамвайной остановки она увидела милиционера, подошла к нему и что-то спросила. Милиционер развел руками, отрицательно покачал головой.

Фатима-апа идет по многолюдной улице, все время осматриваясь, вглядываясь в каждую детскую фигурку, появляющуюся на ее пути. Она зашла в большой магазин и вышла из других дверей.

...На противоположной стороне улицы толпился народ. Фатима-апа заметила толпу, и сердце ее екнуло: там несчастье, там Сарсенбай!.. Не помня себя, Фатима-апа побежала через улицу, бросилась к толпе, протиснулась в центр.

На столбе, около которого собрался народ, висел репродуктор. Радио передавало очередное сообщение Советского информбюро: «...после ожесточенных боев наши войска оставили одиннадцать населенных пунктов. Н-ский партизанский отряд сжег вражеский эшелон с боеприпасами...».

Фатима-апа вздохнула и теперь уже осторожно выбралась из толпы.

...И снова идет по городу Фатима-апа. Вот проходит она мимо раскрытых заводских ворот, оттуда многоликий, разноязычный вливается в улицу поток рабочего народа.

...Вот переходит она широкую шумную улицу и, поглощенная одной мыслью, одним нестерпимо-болезненным чувством, не замечает стремительно надвигающегося на нее грузовика. Он уже совсем близко. Кажется, не миновать беды... Резкий скрежет тормозов, визг трущейся об асфальт резины... Машина останавливается в двух шагах от растерявшейся Фатимы-апа. Из кабины показалось бледное лицо шофера. Из-за уличного шума не слышно, что он кричит, но резкие жесты его очень выразительны.

Обессиленная, изможденная возвращается Фатима-апа домой. Замолкли спорившие о чем-то Витя и Остап.

Маленькая Леся бросилась навстречу матери, прижалась к ней, спросила с детской наивностью:

— А где же Сарсенбай?

— Не нашла я Сарсенбая, — тяжело вздохнула Фатима-апа и закрыла лицо руками.

...Был уже поздний час, когда Фатима-апа, хлопотавшая у очага, услышала звук отворяющейся калитки. Она обернулась и увидела милиционера, который крепко держал за руку упирающегося Сарсенбая.

— Ваш? — спросил милиционер.

— Наш, наш! — обрадованно воскликнула Фатима-апа.

— На вокзале нашел. Решил на фронт отправиться. Я ему говорю, на фронте детского сада нет. Обижается.

Сарсенбай стоит, не решаясь поднять голову, не смея посмотреть на Фатиму-апа и ребят, которые его окружили.

А в глазах Фатимы-апа отражается сложная борьба двух противоречивых чувств: нежность и гнев.

— Зачем же задержали вы его? Пусть бы ехал. Ведь богатырь! Дай ему винтовку — с какого конца стрелять не знает... Убежал... А что отец-мать волнуются, переживают — это ему наплевать! Отец вот до сих пор по больницам ходит — ищет этого героя.

— А вот и не наплевать. Мне даже жалко вас было... и себя тоже, — вымолвил наконец Сарсенбай.

— Чего же ты убежать решил?

— Не хочу я ходить в школу — там скучно и ставят плохие отметки.

— Ну ладно, на этот раз мы его простим, — сказал милиционер.

— А если еще раз убежит, в тюрьму его посадите, — угрожающе говорит Фатима-апа.

Милиционер козырнул и в сопровождении хозяйки направился к калитке.

Сарсенбай поднял голову, виновато улыбнулся, подмигнул Вите и Остапу. А Остап поглядел на него презрительно, только и сказал:

— Эх, ты!

Утро над городом вставало ясное, по-осеннему прозрачное. На горизонте четко вырисовывались снежные вершины гор. Было безветренно и тихо, как бывает тихо в тот короткий момент, когда рождается над землей новый день...

Очарованная величием превращений, которые совершались в природе, Фатима-апа стояла посреди двора, на минуту позабыв о лучине, которую несла для растопки самовара. Из этого состояния легкой, созерцательной задумчивости вывел ее скрип отворившейся калитки, Фатима-апа испуганно вздрогнула и повернулась: во двор вошел усталый, с покрасневшими от бессонной ночи глазами Махкам-ака.

— Доброе утро, отец! — ласково приветствовала его Фатима-апа. — Утомились? Ох, уж эта ночная смена...

Махкам-ака ответил ей доброй улыбкой и с таинственным видом поманил к себе:

— Смотри, мать, что я принес!

Фатима-апа недоверчиво повертела в руках принесенный мужем сверток, развернула его и, как ребенок, обрадовалась неожиданным подаркам. Она рассматривала и ощупывала вынутые из свертка ботинки, две бумазейные рубашки и совершенно новую маленькую ферганскую тюбетейку.

А пока она занималась свертком, Махкам-ака будил детей:

— Ну, вставайте, вставайте же! В школу опоздаете, засони...

Витя поднял голову и снова спрятался под одеялом. Сарсенбай повернулся на другой бок и продолжал спать так, будто он, а не Махкам-ака отработал сейчас ночную смену. Остап притворился спящим, хотя Махкам-ака и заметил, что он подсматривает за ним из-под опущенных век.

— Ох, отец, зачем такие дорогие рубашки купили? — вздохнула Фатима-апа. — Купили бы ситца, я бы им всем одинаковые пошила.

— Одинаковые? Нет, зачем же, чтоб они как детдомовские были? — возразил Махкам-ака.

— Зато дешевые.

— Ничего, вытянем как-нибудь. Вот, получай зарплату, — бодро сказал Махкам-ака и протянул жене деньги.

Фатима-апа взяла и ужаснулась:

— Это все, что осталось? Как же мы до следующей зарплаты жить будем?!

— Проживем, — беззаботно ответил Махкам-ака и снова по-

вернулся к детям. — Что же вы не встаете? Кто первый встанет, подарок получит.

Леся выглянула из-под одеяла, спросила с интересом:

— А какой подарок?

— Встань — увидишь.

Леся вскочила и в ночной рубашке подбежала к Маххаму-ака.

— Покажите подарок.

— А где твое здравствуйте?

— Здравствуйте, папа.

— Здравствуй, доченька, — и Маххам-ака одел ей тубетейку.

Леся запрыгала, запела какую-то ей одной известную песенку, поцеловала Маххама-ака и тут же пошла похвастаться братьям.

Первым встал Остап. Он поздоровался с отцом и застыл в выжидательной позе. Маххам-ака протянул ему рубашку, и Остап тут же надел ее.

— Ну как, в пору? — спросил Маххам-ака.

— Ага.

Теперь уже не выдержал Витя. Он встал и с видом самым незаинтересованным подошел к отцу поздороваться:

— Здравствуйте, папа.

— Добрый день... Вот обещал я тебе ботинки — бери!

— Спасибо.

Витя уселся на пол и стал примерять ботинки. Но ботинок не налазит на его ногу. Он явно мал. И как Витя ни старается — и тянет, и топает что есть силы — нога не входит.

Фатима-апа укоризненно смотрит на мужа, и Маххам-ака приходит на помощь Вите в его отчаянном единоборстве с новым ботинком. Но и совместные старания не приносят желанной победы.

У Вити губы-подрагивают от едва сдерживаемого плача. Маххам-ака тяжело подымается с пола и, вытерев с лица пот, говорит Остапу:

— Ну-ка, ты померь.

И снова повторяется все сначала.

Теперь приходит очередь Сарсенбая. Он с нетерпением ждет, когда Остап отдаст ему ботинок, и, не дождавшись, вырывает из рук. От усилий, которые прилагает Сарсенбай, лицо его нализуется кровью. Но результат тот же: видно, и ему не быть владельцем этого заветного сокровища. Очень досадно, до того, что хоть плачь. Да и у Маххама-ака невесело на душе. Посмотрите, какой у него огорченный, виноватый вид. А тут еще Фатима-апа спрашивает с такой едкой иронией:

— Вы не на свою ногу случайно примеряли эти ботинки?

Но Маххаму-ака не до шуток. Он озадаченно почесал затылок, соображая, что же теперь делать с этими злосчастными ботинками. На помощь ему пришла шустрая Леся:

— Папа, а вы отдайте их мне. Они как раз на меня будут.

Это была спасительная мысль. Маххам-ака просиял:

— Бери, скорей.

Леся быстро обулась, ноги ее утонули в ботинках. Она прошла по айвану, стуча и шаркая ими об пол, и всем вдруг стало очень смешно. Заразительно рассмеялся Маххам-ака, а вслед за ним и ребята, улыбнулась Фатима-апа, но веселее всех было Лесе.

— Вот так у вас всегда получается, — укоризненно сказала Фатима-апа.

— Ничего, мать. Мы в магазин пойдем, попросим хорошо — обменяют. Обязательно обменяют. Вот закончатся у них уроки, мы с Витей сразу и пойдем. Ладно, Витя?

— Ладно.

Небо затянулось тучами. Пасмурно. У знакомого двухэтажного здания школы суетятся люди. Одни выносят и грузят на машины парты, шкафы, стулья. Другие снимают с грузовика кровати и заносят их в школу. Здесь же, среди работающих, Фатима-апа, Витя, Остап, Сарсенбай.

Проходившая мимо Бувиниса-хола остановила соседку

— О, Фатима-буви, что здесь за новоселье готовится?

— Госпиталь, — коротко ответила Фатима-апа и понесла белую тумбочку, а другая женщина объяснила Бувинисе-хола:

— Из прифронтовой полосы госпиталь приехал. Здесь будет. Сейчас раненых привезут.

— Ва-ей! — воскликнула Бувиниса-хола. — Сейчас покупки отнесу, приду вам помочь.

Бувиниса-хола поспешно ушла, а в это время к школе подъехала первая санитарная машина. Из кабины вышла пожилая медсестра в белом халате с грудным младенцем на руках, за ней показалась девочка лет двенадцати-тринадцати. Женщина в халате передала ребенка девочке, приказала:

— Постой в сторонке.

Из машины выдвинули носилки, осторожно взяли их и понесли к школе. Девочка с ребенком на руках протиснулась к носилкам, позвала:

— Мама!.. Мама!.. — но ответа не было.

Сарсенбай и Остап следили за девочкой и, когда санитары с носилками скрылись в дверях, подошли к ней.

— Это твоя мама? — спросил Остап.

Но девочка, залившись слезами, ничего не ответила. Она убаюкивала младенца, который кричал все громче, все требовательней.

Сарсенбай понимающе кивнул:

— Голодный.

Остап посмотрел на девочку, на Сарсенбая и куда-то убежал.

К зданию подъехали еще две санитарные машины.

Плач младенца смешался со стоном раненых.

Остап появился вместе с Фатимой-апа.

— Вот она, — указал он на девочку.

Фатима-апа с состраданием смотрела на девочку, не зная, как и чем ей помочь. Затем, заметив медсестру, с которой приехала эта девочка, подошла к ней, отозвала в сторону. Сарсенбай придвинулся, чтобы расслышать их разговор.

— Не знаю, что и делать с ней, — говорила медсестра. — Хотела в детдом отправить — ни в какую. Твердит одно и то же: буду с мамой. А как ей здесь оставаться?! Я день и ночь около раненых, присмотреть за ней некогда. А младенца кормить?

— Может быть, она у нас пока поживет? Мы здесь недалеко. А мать выздоровеет — заберет.

— Это бы хорошо, да согласится ли?

— А вы ее уговорите.

— Ляна! — позвала медсестра, и девочка послушно подошла. — Вот, значит, какое дело, девонька: в госпитале тебе оставаться нельзя — начальник не велит. Будешь пока жить у этой тети — она здесь рядом живет.

— Я хочу быть с мамой! — слабым детским голосом возразила Ляна.

— Ты будешь каждый день приходить к маме, — ласково положила руку на голову Ляны Фатима-апа.

— Я хочу быть с мамой, — упрямо повторила девочка.

Детское отзывчивое сердце Остапа не выдержало:

— Пойдем к нам. Тебе хорошо будет.

Ляна молчала. Тогда Фатима-апа сказала ей серьезно, как взрослому человеку:

— Ты должна пойти. Иначе твой братик умрет с голоду... Что тогда скажет тебе мама?

На глазах Ляны появились слезы.

— Это не братик — это сестричка, — только и сказала она.

Фатима-апа взяла у нее младенца, и в сопровождении Остапа и Сарсенбая они пошли по вечерней улице.

Прижимая к груди плачущего младенца, Фатима-апа шла вдоль железнодорожного полотна. Было темно, и она часто спотыкалась. Наконец она остановилась у слабо освещенного окна

и прислушалась: из дома доносился плач грудного ребенка. Фатима-апа негромко постучала. Ей открыла женщина, лица которой в плотьмах не разглядеть.

— Фатима-буви! Заходите, заходите, — пригласила женщина.

Фатима-апа вошла в небольшую комнату, слабо освещенную маленькой лампочкой. На курпаче, разостланной вдоль стены, сидела молодая женщина с ребенком у груди.

— О, Салимахон, поздравляю вас с новорожденным, — подошла к женщине с ребенком Фатима-апа. — Все собиралась вас навестить, да некогда — заботы...

— Спасибо, Фатима-буви, — и тут только разглядев младенца на руках у гостыи, удивленно воскликнула: — Ой, и я вас поздравляю!

— Что ты, что ты, Салимахон! — устыдила ее женщина, которая открыла Фатиме-апа дверь. — Это, наверное, у вас приемыш?

— Да. Мать в госпитале, что в нашей школе. Очень тяжелая... Очень... А с этой просто замучилась — и соской пробовала ее кормить, и из ложки — никак не берет.

Фатиме-апа больше ничего не пришлось объяснять. Салимахон положила в люльку своего ребенка, протянула руку и бережно взяла у Фатимы-апа ее младенца.

Салимахон кормила девочку, с материнской нежностью разглядывая ее личико.

— Русская? — спросила она.

— Молдаванка.

— Будь проклята эта война! Никого она не щадит, — сказала с сердцем пожилая женщина.

Фатима-апа качала люльку, в которой лежал ребенок Салимахон.

Через несколько минут Салимахон протянула девочку Фатиме-апа, прошептала:

— Спит.

Фатима-апа поднялась.

— Куда вы? Выпейте с нами пиалу чаю... Посидите, — уговаривали ее гостеприимные хозяйки.

— Не могу — дети.

Женщины проводили Фатиму-апа до порога.

— Вы присылайте ее с детишками. А я окрепну немного, сама буду к вам ходить, — сказала Салимахон.

— Спасибо, дорогая.

Несколько минут хозяйки прислушивались к удаляющимся шагам Фатимы-апа, а когда они стихли, Салимахон тихо вздохнула.

У входа в госпиталь Махкам-ака и Фатима-апа разговаривали с знакомой медсестрой. Невдалеке, внимательно прислушиваясь к беседе взрослых, стоял Витя.

— Умерла... утром... — На глазах у медсестры слезы.

Минута тяжелого молчания. Затем медсестра спрашивает:

— Что теперь с детьми? В детдом?

Махкам-ака посмотрел на жену, сказал глухим голосом:

— Останутся у нас.

Фатима-апа кивнула.

— Но вам ведь совсем тяжело будет.

— Им тяжелей, — вздохнула Фатима-апа, думая, видимо, об осиротевших детях. — Когда хоронить будете?

— Завтра.

— До свиданья, — протянул руку Махкам-ака.

— До свиданья.

Медсестра ушла в дверь госпиталя, утирая косынкой слезы, а Фатима-апа подозвала Витю и строго спросила:

— Слышал, что тетя говорила?

— Слышал.

— Ляне об этом не говори. Понял?

Витя кивнул.

В воздухе, казалось, под самыми облаками, парил бумажный змей. Он то падал, то вдруг подымался все выше и выше.

На крыше, разматывая нитку, стоит Витя. Он настолько увлечен своим делом, что не сразу замечает за дувалом небольшую траурную процессию. Это хоронят Лянину маму. Витя сразу понял, потому что среди мужчин, несущих на плечах гроб, разглядел Махкама-ака. Несколько дальше он увидел одетую во все черное Фатиму-апа.

Витя отпустил бумажного змея, и он свободно взмыл над улицей, по которой в траурном молчании пронесли гроб.

Со двора до Витиных ушей доносился веселый детский смех. Он посмотрел вниз и увидел, как Остап, Сарсенбай, Ляна и Леся, привязав за ручку старое корыто, возят вокруг супы улыбающуюся Марику. Лица детей сияли таким безграничным счастьем, им всем было так хорошо и радостно, что Витя не выдержал:

— Ляна!

— Что?

— Не нужно сейчас играть.

— Это почему же? — вскинулся Остап.

— Говорю не нужно, значит, не нужно!

— А ну тебя! — отрезал Сарсенбай и поволок корыто дальше.

— Ляна! — чуть ли не с отчаяньем в голосе крикнул Витя,

но никто больше не обращал на него внимания — веселье было в самом разгаре. — Дураки вы все! — Попрям Витя кулаком в воздухе и медленно перевел взгляд с кудрявой черноокой Пашки на улицу, туда, где сейчас пронесли гроб с ее мамой.

Процессия удалялась. Витя видал, как остановилась встречная арба и арбакеш — бородатый мужчина в длинном постром халате, — соскочив с лошади, подставил под гроб плечо. Витя видал, как вышел из калитки какой-то парень с перебинтованной головой, как он подошел к гробу и понес его вместе с другими... Больше Витя ничего не видел. Он спустился по лестнице во двор, подошел к резвившимся детям и схватил Ляну за руку.

— Постой.

— А чего?

— У тебя... там... пуговица оторвалась.

Ляна быстро пробежала пальцами по пуговицам на платье, лукаво улыбнулась:

— Обманываешь... Где?..

Витя молчал.

— Да что это ты кислый такой сегодня? Не наелся, что ли?

— Нет... ты... не нужно сейчас играть.

Ляна отмахнулась и вприпрыжку побежала к грохотавшему по земле корыту. Витя растерянно посмотрел ей вслед и вдруг решительно рванул пуговицу на своей рубашке.

— Ляна, — подошел он снова к девочке. — Пришей мне пуговицу.

— Тебе?

— Мне.

— Чего ж ты говорил, у меня оторвалась?

— Я сказал, у меня.

— Где?

— Вот.

— Я тебе потом пришью.

— Нет, сейчас! — настаивал Витя.

— Ну, ладно уж, — Ляна бросилась на айван и через минуту выбежала оттуда с иглкой и ниткой в руках. — Давай! Где твоя пуговица? Потерял?

Витя молча протянул ей только что оторванную пуговицу, и Ляна начала пришивать.

— Ляна... — сказал Витя грустно.

— Что?

— Я что-то знаю... такое...

— Ну скажи! — и глаза Ляны загорелись любопытством.

— Не скажу! — печально помотал головой Витя и ушел в глубину двора.

Махкам-ака и Фатима-апа возвращались с похорон. У калит-

ки они остановились, обменявшись коротким взглядом, вошли во двор. Дети продолжали развлекаться.

.. Папа, мама! — первой заметила их появление маленькая Леся.

Веселой гурьбой дети окружили родителей и заговорили наперебой:

— Где вы так долго были?

— А Витя лазил на крышу.

— Мама, а я порезала палец!

— Посмотрите, как мы катаем Марику.

— Ой, весь двор вверх дном перевернули! — с притворной строгостью всплеснула руками Фатима-апа, увидев на земле следы, вырытые корытом.

Стараясь не показать детям печали, что тяжким камнем легла на сердце, Махкам-ака заставил себя улыбнуться:

— О, да вы, я смотрю, настоящие изобретатели! Только, знаете, давайте лучше сделаем Марике настоящую люльку. Давайте?

Хор радостных детских голосов ответил ему:

— Давайте, папа!.. Давайте!.. Уже сейчас?

Махкам-ака снял пиджак и вместе с окружившей его детворой направился в глубь двора.

Покинутая всеми Марика огляделась по сторонам и обиженно заплакала. На голос ее прибежала Ляна. Она взяла девочку на руки и поднялась на айван, где Фатима-апа занималась приготовлением обеда.

— Тетя Фатима, когда Марика заснет, я схожу к маме?

Фатима-апа на мгновение растерялась, но тут же, подавив волнение, сказала спокойно:

— Я сегодня заходила в госпиталь.

— И видели маму? — вся подалась вперед Ляна.

— Нет, доченька. Я маму твою не видела. У нее, понимаешь, очень тяжелое ранение, и здешние врачи решили отправить ее в другую больницу.

— В другую?! Куда?

— В эту... ну, как ее?.. В Алма-Ату. Есть такой город.

— А он далеко отсюда, тетя Фатима?

— Очень далеко, доченька.

Ляна как-то сразу сникла, и по лицу ее потекли крупные слезы. Фатима-апа подошла к ней, положила руку на вздрагивающее плечико, хотела сказать что-то утешительное, но в этот момент чуть сама не разрыдалась. Чтобы не подать виду, она взяла у Ляны уснувшую Марику и быстро ушла с айвана. А через минуту сюда вбежала веселая, раскрасневшаяся Леся. Заметив плачущую Ляну, Леся сразу притихла, спросила испуганно:

— Что случилось, Ляночка? Чего ты плачешь?.. Ну скажи.

Ляна молчала. Слезы катились по ее щекам, она вытирала их, а они все лились и лились.

Улица была превращена в футбольное поле. И хотя болельщиков на этом матче не было, шум над импровизированным стадионом стоял самый настоящий — вопреки всем установленным правилам, кричали сами футболисты. В этих командах не было защитников и полузащитников: все, кроме вратаря, были нападающими. В нападающих были сегодня Витя, Остап и Сарсенбай.

Детский разноцветный мяч летал от одних ворот к другим. Игроки были в хорошей спортивной форме. И вдруг мяч, выбитый из ворот, попал в ноги здоровому детине, неизвестно откуда здесь появившемуся. Парень был явно пьян, он раскачивался и что-то бормотал. Витя отчаянно бросился за мячом, но пьяный так посмотрел на мальчика, что тот застыл в нерешительности.

— Дядь, а дядь, отдайте мяч, — заканючил Остап.

Парень долго рассматривал мяч, словно это было какое-то неведомое и опасное животное, затем отвел ногу, чтобы ударить, но пошатнулся и чуть не упал.

— Дядя, не нужно бить — лопнет! — снова заныл Остап.

— Я вам покажу... как нужно бить! — заплетающимся языком сказал пьяный и ударил изо всех сил. Мяч перелетел через дувал, и в следующее мгновение со звоном рассыпалось оконное стекло.

Ребята остолбенели. Через минуту на улицу выскочила разъяренная Бувиниса-хола. Футболисты, как по команде, бросились в разные стороны. Пьяный поспешно спрятался за выступ стены. На мостовой остался только растерявшийся Остап.

Бувиниса-хола налетела на него коршуном, схватила за ухо, завопила:

— Вай дод! Разбойники! Я тебе покажу, как окна бить!

— Это не я, тетя. Это пьяный дядя разбил.

— Так я тебе и поверила! Ну-ка пойдём к твоей милой мачехе! — И Бувиниса-хола потянула Остапа за ухо.

От боли или незаслуженной обиды, а может быть, и от того, и от другого сразу, Остап громко заплакал. На плач вышел из калитки Махкам-ака.

— Вот, уста Махкам, — набросилась на него Бувиниса-хола, — вот что я терплю от ваших сирот!.. Житья просто нет! Разбил все окно вдребезги.

Махкам-ака возмутился, но сдержал себя, сказал тихо:

— Отпустите его! Зачем за ухо дергать?! У ребенка отец есть.

Бувиниса-хола невольно отпустила Остапа, а Махкам-ака сказал сухо:

— Вставлю вам стекло, не волнуйтесь!

Он подошел к разбитому окну, измерил палкой его длину и ширину и затем, вернувшись в свой двор, стал молча счищать замазку с оконного стекла на кухне.

— Это не я разбил стекло. Это — один пьяный, — промолвил Остап.

— Верю, сынок... На, поддержи... Ну-ка пошли.

Они вернулись во двор Бувинисы-хола и стали починять окно. Хозяйка искоса поглядывала на них, и, казалось, каждый гвоздь, который вбивал Махкам-ака в оконную раму, больно впиался ей в сердце.

Дети, толпившиеся у калитки Бувинисы-хола, робко заглядывали во двор и повторяли скучными голосами:

— Тетя, отдайте мяч... Мы здесь играть больше не будем... тетя...

Бувиниса-хола открыла калитку и злобно бросила мяч в лицо Сарсенбаю. Мальчик вытер рукой испачканное лицо и, сверкнув глазами, сказал с ненавистью:

— Спасибо.

Футболисты издали победный клич и понеслись по улице, едва не сбив с ног Салимухон, торопливо направлявшуюся в дом Махкама-ака. А в доме, видно, ее уже ждали. Фатима-апа протянула ей маленькую Марику, и Салимахон поднесла ее к груди.

— Как дочка ваша растет? — спросила Фатима-апа, присаживаясь рядом с Салимахон.

— Ах, я ее почти не вижу: утром ухожу — вечером прихожу.

— А в обед еще к нам прибежать успеваете... Спасибо вам, Салимахон.

— Что меня благодарить! У вас, Фатима-буви, забот не меньше.

— Как же иначе нам жить? Ведь не звери мы какие-нибудь — люди!

— Люди... — задумчиво повторила Салимахон. — А те, кто делает их сиротами, — они тоже люди?.. Сейчас на вокзале была. Новый эшелон прибыл. Из окон детские головы торчат — грязные, худые, заросшие. Смотреть больно.

На айван поднялся Махкам-ака, поприветствовал Салиму и, чтобы не смущать кормилицу, отошел в сторону.

— Много их там? — вернулась к прерванному разговору Фатима-апа.

— Вагонов десять битком. Из Харькова, Минска, Могилева... Где только размещать их будут? Все детдома забиты. Несчастные...

Салимахон поднялась и, посмотрев на стенные часы, заспешила:

- Ой, опоздаю!
- Беги, дочка. Спасибо тебе.
- Вечером пусть Ляна принесет.
- Принесет, принесет...

Салимахон скрылась за калиткой, а Фатима-апа подошла к мужу, коснулась его руки:

- Слышали?
- Слышал.

Они посмотрели друг другу в глаза долгим задумчивым взглядом, прислушиваясь к детским голосам, доносившимся со двора, и не промолвили больше ни слова.

Фатима-апа открыла калитку и подтолкнула во двор хилого мальчугана в фуражке с большим сломанным козырьком. Вслед за ней, ведя за руки двух удивительно похожих друг на друга мальчиков, появился Махкам-ака.

Дети, шумно резвившиеся во дворе, примолкли, устались на прошедших. Витя недовольно нахмурился.

— Ой, смотрите, — весело воскликнула Леся, — какие они одинаковые!

— Они близнецы, — пояснил Махкам-ака. — Это Саша, а это Леша.

Но Махкам-ака перепутал.

— Не Саша — Леша я.

— А я Саша, — внесли ясность пятилетние мальчуганы.

— Не все ли равно? — пошутил Махкам-ака.

Все рассмеялись, а Леся на радостях пустилась в пляс вокруг оторопевших новичков, напевая:

— Саша — Леша, Леша — Саша...

Витя дернул Остапа за рукав, прошептал мрачно:

— Принесла нелегкая. Теперь черта с два нам хлеба достанется.

— Брось ты жадничать! — отмахнулся Остап.

— А это, ребята, Лева, — представила третьего мальчугана Фатима-апа. — Никак не хотели Саша-Леша с ним расставаться.

— Ну, теперь вы все братья и сестры, — заключил Махкам-ака. — Договорились?

— Договорились! — дружно ответил ему разноголосый детский хор.

По утрам двор гудел, как пчелиный улей. Одни собирались в школу, другие выполняли свои неперменные домашние обя-

занности, третьи шумели и суетились просто потому, что это было весело и интересно. Наконец наступил момент, когда все семейство усаживалось за хантахту, и тогда наступала сравнительная тишина. Фатима-апа делила хлеб на равные порции и раздавала их детям. В обязанности Ляны входило разлить чай. У Леси за столом никаких общественных поручений не было, и потому она то незаметно утаскивала у кого-нибудь ложку, то подкладывала соседу заранее припасенного жука. Ее озорство вызывало бурю негодования, которая, впрочем, умиралась одним словом или даже строгим взглядом Фатимы-апа.

Эти сцены повторялись ежедневно. Но сегодня доиграть до конца Лесе не удалось. В тот момент, когда она ухитрилась незаметно стащить у Вити кусок колбасы и заменить ее катушкой и когда Витя начал уже тревожные поиски, отворилась калитка и во двор вошел бойкий мальчик лет тринадцати, может быть, четырнадцати. Все уставились на него выжидательно, и Лесина шутка, которая с таким трудом готовилась, была испорчена. Леся с недовольством поглядела на нежданного гостя, а тот смело спросил:

— Мне сказали, тут детей принимают. Это правда?

Вопрос был поставлен так прямо, что на минуту все растерялись, даже Махкам-ака, только что спустившийся с айвана.

— Хороших ребят мы усыновляем, — нашелся он наконец. — А приема-выдачи детей здесь нет. У нас не канцелярия.

Но парень не смутился:

— А меня не возьмете? Я тоже хороший.

Фатима-апа обвела взглядом всех сидевших за хантахтой, словно спрашивала их мнения. Витя побледнел, сказал, задохнувшись от гнева:

— Не надо его брать! Не берите! И так вся улица смеется. Говорят, детдом устроили. — И, поднявшись, крикнул оробевшему пришельцу: — Самим хлеба не хватает! Еще ты...

Под градом осуждающих, насмешливых, непонимающих взглядов Витя осекся. Он махнул рукой и сел, взъерошенный, еще больше побледневший.

Мальчик у калитки уныло повернулся и медленно пошел со двора.

— Постой! — окликнул его Махкам-ака и возмущенно напустился на Витю: — Встань!.. Извинись перед ним!

Витя стоял, посапывая носом.

— Извинись!.. — повторил Махкам-ака, а своему необычному гостю сказал: — Иди сюда... Как тебя зовут?

— Коля.

— Вот что, Коля, живем мы так: есть вода — все выпьем, есть камень — поровну сгрызем. Одну изюмину на сорок ртов поделим. Чтоб всем одинаково. Понял?

Коля кивнул.

— Тогда оставайся и помни: она будет тебе матерью, я — отцом... Здесь твое место, — и Махкам-ака усадил его между Витей и Остапом.

Казалось, больше всего беспокойств доставляют усыновленные дети Бувинисе-хола. Так во всяком случае можно было подумать, услышав как-то утром ее беседу с соседкой на айване собственного дома.

— Что я терплю от этих сирот — слов нет сказать!

— Озорные?

— Озорные?! Нет, настоящие хулиганы! То окно разобьют, то такой гвалт подымут — хоть из дому беги. Вот посмотрите, дорогая соседка, посмотрите, каково мне.

Она подвела женщину к дувалу и любезно предложила ей ящик, видимо специально для того предназначенный, чтобы вести систематические наблюдения за соседним двором. Сама Бувиниса-хола поднялась на табурет, прихваченный с айвана.

Над дувалом выросли две женские головы. Бувиниса-хола таинственно зашептала:

— Посмотрите на супу.

На супе мирно спали дети. Девочки — с одной стороны, мальчики — с другой. Вот, раскинувшись, спит Витя. Вот знакомые лица Остапа, Коли, Сарсенбая, Левы, Лещи и Саши. А вот незнакомые лица. Это новенькие: Жора, Зина, Дзидра и Ренат.

— Сколько вы сказали, десять? — спросила женщина у Бувинисы-хола.

— Ой, какие там десять? Вот посчитайте сами, — и Бувиниса-хола начинает считать, тыкая в каждого пальцем. — Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь... Сколько я сказала? Семь? Да, семь... Восемь, девять, десять, одиннадцать, двенадцать, тринадцать... А куда еще один запропастился? Ага, вон он — маленький, в сторонку положили.

— Сколько их всего?

— Четырнадцать! Подумать только!

— Да, нелегко им справляться!

— Подождите. Это еще что? Вот проснутся — тогда посмотрите. Просто сил нет переносить все это... Говорю, какая нужда столько детей брать? Все равно, дорогая моя, чужой есть чужой — родными не станут... Еще и разных наций... Вот попомните мои слова: в один прекрасный день плюнут и уйдут.

— Если б вы не сказали, подумала — все свои.

— А разговоров-то, разговоров сколько вокруг: и добрые, и благородные, и такие, и сякие! А я — терпи!

— Ваша правда — трудно вам достается.

Фатима-апа слышала весь этот разговор, сидя у очага. Она посмотрела на мирно спящих детей и принялась разжигать самовар.

Солнце, выглянувшее из-за темного контура гор, бросило первый луч прямо в лицо спящего Леша. Леша проснулся, протер глаза и осмотрел сонное царство вокруг. Спать больше не хотелось. Ждать, пока проснутся остальные, было скучно, и Леша, не найдя шутки лучше, больно дернул за ухо спавшего рядом Сашу. Тот вскрикнул, подскочил и, сообразив, что произошло, ударил Лешу по шее. Леша обиделся: он пошутил, а Саша бьет его по-настоящему. Ответ не заставил себя ждать. Леша толкнул брата в грудь, и они вместе упали поперек супы на Витю, Остапа и Сарсенбая. Завязалась отчаянная свалка.

Фатима-апа подбежала к супе.

— Леша! Саша! — крикнула она, и близнецы, враждебно поглядывая друг на друга, разошлись в стороны.

— Кто затеял драку? — строго спросила Фатима-апа.

— Лешка, — ответил Саша.

— Сашка, — буркнул Леша.

— Чтоб я больше этого не видела! В нашем доме никто не смеет подымать руку на брата или на сестру, даже если они родные!

Фатима-апа, занятая стиркой, подозвала Лесю.

— Сними платье, доченька, — постираю. Скажи Ляне, пусть достанет тебе желтое.

Ляна сидела над арыком, старательно начищая песком закопченный чайник.

Под деревом, в тени, Дзидра, Леся и Зина качали в люльке хныкавшую Марику.

Остап старательно повторял движения, которые делал Коля, лежа спиной на супе. Он то подымал, то опускал ноги, то вдруг начинал нещадно тузить воздух.

С улицы, из-за дувала, донесся пронзительный свист. Коля прислушался и, когда свист повторился, выбежал со двора.

...Железнодорожное полотно. Приложив ухо к рельсам, Саша, Леша и Лева сосредоточенно к чему-то прислушивались.

— Идет? — спросил Леша.

— Идет! — торжественно воскликнул Лева.

— А у тебя? — приподнялся Саша.

— Не идет.

— Идет! — испуганно крикнул Лева.

— Врешь! Нет никакого поезда! — ополчились на Леву Леша и Саша.

— Мама идет!

Близнецы вскочили и стали поспешно отряхиваться. Но мажут не отряхнешь — он прочно въедается в одежду.

— Ну на кого вы похожи?! — всплеснула руками Фатима-апа. — Ведь только вчера чистое одели! Думаете, легко каждый день стирать целую гору. Язык устал у меня повторять одно и то же. Марш домой! И чтоб со двора — ни шагу!

Леша, Саша и Лева, виновато опустив головы, пошли домой. За ними следовала Фатима-апа.

У калитки она увидела Витю, Остапа и Сарсенбая, увлеченно гонявших мяч. Фатима-апа остановила их, сказала укоризненно:

— Что ж вы за братишками своими не присматриваете? И не стыдно вам? То, глядишь, к речке побежали, то на крышу взобрались, а сейчас на железной дороге поперек рельсов лежат. А случится что с ними — не жалко будет?

— Ладно, пусть с нами играют! — крикнул разгоряченный Остап. — Пошли, мелюзга!

...В каморке возле кухни Ренат и Леся что-то упорно ищут, перебирая железный лом и тряпки. Ренат куском железа стучит по всему, что попадает под руку. Выпачканная в саже Леся тащит из глубины каморки старую, проржавевшую водосточную трубу.

— А это, Ренат? — спрашивает она.

— Пойдет.

Леся выходит из каморки. Ее желтое платье, только недавно одетое, лицо, руки — все в саже. И тут — как назло — Фатима-апа.

— Ой, в какой топке ты побывала?! Ну, накажу я тебя за это: сейчас же сними и сама иди стирать! Быстро.

Леся подпрыгнула, радостно захлопала в ладоши:

— Стирать! Я буду сама стирать!..

...Согнувшись над корытом, Фатима-апа стирала. Рядом с ней, присев на супу, качала Марику пожилая длинноносая соседка. Леся терла в тазу свое желтое платье, и видно было, что стирка не доставляла ей того удовольствия, какого она ожидала.

— Уходит на работу с рассветом, возвращается запоздно, — рассказывала соседке Фатима-апа.

— Большая семья — большие заботы, — поддержала себе-седница.

— Мама! — прервал разговор вбежавший с конвертом в поднятой руке Остап. — Письмо от Батыра-ака!

Фатима-апа торопливо вытерла пену с рук, схватила письмо и, распечатав, стала читать вслух:

— «Здравствуйте, дорогие папа и мама! Вчера получил ваше письмо и газету. Обрадовался, увидев вас на фотографии среди братишек и сестренек. Детей-то усыновили вы, а здесь фронтовые товарищи поздравляют меня. Просто превознесли до

небес. Понимаю, не легко вам воспитывать четырнадцать детей. Но я рад, что вы с такой душевной теплотой отнеслись к детям моих друзей, погибших на фронте. Кончится война, я приеду и буду помогать вам. Скажите детям, что я приказываю им слушаться вас...» — Фатима-апа посмотрела на детей, сказала внушительно: — Вот видите!.. — и продолжала читать письмо про себя. А дети стояли, окружив ее, и сочувственно следили за тем, как изменилось лицо матери — становилось мягче и светлее, добрей и моложе.

— Идите, играйте, потом все вместе напишем письмо Батыру, — сказала Фатима-апа, когда письмо было прочитано.

Дети разбежались, попробовала улизнуть и Леся, которой надоело возиться со своим желтым платьем. Но Фатима-апа удержала ее:

— Постирала уже?

— Да.

— Ну-ка, покажи.

Леся протянула платье в черных разводах.

— Стирай еще — грязное.

— Мне больше стирать почему-то не хочется, — захныкала

Леся.

— Стирай! Будешь знать, как пачкаться.

— Я больше не буду пачкаться.

— Правду говоришь?

— Вот честное-пречестное слово, не буду!

— Ладно, тогда иди, — сжалилась над девочкой Фатима-апа.

Леся обрадованно умчалась, а Фатима-апа сказала соседке:

— Вот так все время с ними и воюю.

— О, Фатима-буви! — раздался знакомый голос Бувинисы-хола. Ее голова торчала над дувалом. — Как ваше здоровье?

— Слава аллаху, не жалуюсь.

— Только с базара вернулась. Не нужен ли вам дешевый рис?

— Нет, спасибо.

— А что видала я на базаре — язык не поворачивается сказать. Один из ваших... длинный такой... ворует там арбузы.

Фатима-апа оторопела.

— Коля?

— Откуда мне помнить их имена? — пожала плечами Бувиниса-хола. Чувствовалось, что этот разговор доставляет ей истинное наслаждение.

Фатима-апа потупила взор, словно это ее уличили в воровстве, вытерла руки и, не переодевшись, направилась к калитке.

— Простите меня, — сказала она соседке, сидевшей с Марикой на руках, — я скоро вернусь.

Когда Фатима-апа вышла, соседка обернулась к Бувинисе-хола, все еще находившейся на своем наблюдательном посту, и совсем непочтительно проворчала:

— Вам бы сестрой милосердия работать — уж такое чуткое да нежное сердце у вас... как ржавый нож.

— Вай товба, что вы такое говорите! Разве я, по-вашему, молчать должна, когда этот, ее приемыш, там ворует? Пусть лучше побежит, остановит его.

— А что же вы не остановили? Увидели, так отвели бы в сторону, сказали, что следует.

— Ну и скажете, соседушка! Что я, милиция какая-нибудь — с ворами связываться?! Фатима-буви сунула голову в это ярмо, пусть и занимается теперь их воспитанием, отвечает за этих сорванцов. А я здесь ни при чем!

Соседка, стоявшая во дворе, презрительно отмахнулась от Бувинисы-хола, положила на супу уснувшую Марику и, засучив рукава, принялась за стирку, брошенную Фатимой-опа.

Многолюдный колхозный рынок. Бойкие выкрики торговцев и разноязыкий говор покупателей, бляение овец и скрип арб, бравурная музыка из репродуктора, укрепленного на столбе — все это слилось, перемешалось и повисло над обширной базарной площадью, над рядами, усыпанными яблоками и спелым виноградом, гранатами и персиками, над грудями арбузов и дынь, над бурливым человеческим морем.

Фатима-апа пробивалась сквозь толпу, и взгляд ее тревожно перебегал с лица на лицо. Она подымалась на цыпочки, вытягивала сухую жилистую шею и искала, искала.

...Поджарый юноша в куртке, из-под которой виднелась уже видавшая виды матросская тельняшка, азартно торговался с продавцом арбузов, а в это время другой подросток незаметно откатил арбуз ногой в сторону, затем еще одна нога подтолкнула арбуз и, когда он оказался у стенки ларька, Коля нагнулся и поднял его. Поднял и осталбенел: перед ним стояла Фатима-апа! Коля еще никогда не видел ее такой бледной, взбешенной.

— Негодяй! — гневно бросила она незнакомым хриплым голосом и, не сдержавшись, звонко ударила его по лицу.

Арбуз вывалился из рук и с треском раскололся. Коля попытался, произнес заикаясь:

— Что вы для меня сделали? Почему бьете?!.. Какое вы имеете право? Меня и родная мать не била...

Коля окинул ее взглядом, полным ненависти и презрения, и скрылся в толпе. Он пробежал всего несколько шагов, и путь ему преградил продавец арбузов.

— Стой, поганый воришка! Я покажу тебе, как арбузы

красть!.. Ваня, иди-ка сюда! — позвал он здорового парня с черной повязкой на глазу.

Коля отчаянно сопротивлялся, вырывал руки, извивался, падал. Но продавцы арбузов держали его крепко. Вокруг них быстро собралась толпа любопытных.

— Еще дружки были, их бы тоже, — комментировала беззубая бабка с тощей корзинкой.

— За добрые дела — пища в рот, за дурные — слезы из глаз.

— А может, никого нет у него — голодный? — посочувствовала какая-то девушка, повязанная косынкой.

— Да что там — тащите его в милицию! Бедный, голодный...

— И родителей нужно к ответу. Куда смотрят?!

Фатима-апа с лицом, искаженным страданием, наблюдала за этой сценой.

— Для детей все старается, — сказал кузнец, отирая с лица черный пот.

— Как не стараться — их у него вон сколько. А жизнь нелегкая, сами знаете, — ответил ему другой. — Врача-то вызвали?

В углу кузнечной мастерской на деревянной лавке лежит без сознания Махкам-ака. Вокруг собрались кузнецы, беспомощно глядя на него.

— Может, еще разок позвонить? Сбегай, — говорит пожилой мастер шустрому пареньку, измазанному больше всех.

Кудрат выбежал и тут же вернулся с женщиной в белом медицинском халате.

— Что случилось? — деловито осведомилась она.

— Да вот, работал, работал, а потом раз — и все.

Женщина нащупала пульс, послушала Махкама-ака, затем поднесла к его носу какую-то склянку. Махкам-ака закашлялся, открыл глаза, виноватым взглядом оглядел столпившихся вокруг него людей.

— Да что вы все? В глазах просто помутилось, вот и прилег него людей.

— У вас, дорогой товарищ, сильное переутомление.

— Еще бы, две смены из мастерской не выходит, — подсказал пожилой кузнец.

— Вам нужно отдохнуть. Сейчас полежите немного и отправляйтесь домой, — сказала женщина и поднялась.

— Спасибо, — поблагодарил Махкам-ака, а когда она вышла, тяжело встал и, взяв молоток, подошел к наковальне. — Ну, начнем, Кудрат.

- Отдохнули бы вы, Махкам-ака.
- Это уж я потом — после войны.

Продавец арбузов и одноглазый Ваня тащили упиравшегося Колю под руки. За ними неотступно следовала говорливая толпа. Одни настаивали на самых жестоких наказаниях, другие — мягкосердечные — заступались и требовали его освобождения: мол, и так все осознал, не будет больше.

Фатима-апа затерялась в толпе. Она все видела, все слышала, и одна мысль сверлила ей мозг: «За что мне принимать на себя такой позор? Он мне не сын, не брат, он чужой...» Фатима-апа решительно вырвалась из толпы и, сама не желая того, обернулась. Коля больше не сопротивлялся. Испуганный и жалкий, он бессильно повис на державших его руках.

Фатима-апа сделала еще несколько шагов в сторону и снова остановилась. Нет, она не могла, не в силах была бросить Колю! Забыв об обидах, пренебрегая позором, который обрушится сейчас на ее голову, Фатима-апа пробилась сквозь толпу, схватила за руку продавца арбузов:

— Отпустите его. Он больше не будет!

— А вам какое дело? Чего вмешиваетесь?! — ответил тот грубо.

Но Фатима-апа не отставала:

— Я вижу, вы добрый человек. Не откажите моей просьбе... Он неплохой мальчик.

Продавец арбузов отмахнулся от нее, как от назойливой мухи. Тогда Фатима-апа перебежала на другую сторону, стала упрашивать Ваню:

— Простите его. Он никогда больше этого не сделает.

— Все мы добрые к вору, когда у другого крадут. А когда б у вас, сразу б по-другому заговорили.

— Нет, я за него ручаюсь.

— Да кто он вам такой, что ручаетесь?!

— Сын!

— Сын? — недоверчиво переспросили в один голос Ваня и продавец арбузов.

— Сын.

— Правду говорите?.. Эй, ты, она тебе кто? — спросил Ваня поникшего Колю.

— Она... она моя мама.

Ваня посмотрел на Фатиму-апа, на Колю и невольно отпустил его. Потом наградил парня легким подзатыльником и напутствовал:

— Чертополох поганый! Только доброго человека срамишь. Эх, попал бы ко мне в руки, научил бы тебя уму-разуму!

Фатима-апа и Коля возвращались домой вместе. Они не разговаривали, не смотрели друг на друга: Фатима-апа — потому, что не улеглась еще в сердце острая боль, которую причинил ей этот совсем чужой и в то же время такой родной и близкий мальчуган. Коля — потому, что не мог, не смел поднять голову и посмотреть ей в глаза. Уже когда они приближались к знакомой калитке, Коля тихо попросил:

— Не рассказывайте отцу... пожалуйста... Да?

Фатима-апа не ответила.

Они прошли еще немного и вдруг навстречу им из калитки появился Ренат в весьма странном виде. Собственно, все было нормально, кроме головы, — вместо головы чернел закопченный котел!

— Эй, что это еще за дурачество?! — раздраженно воскликнула Фатима-апа.

Из-под котла раздался гулкий и очень довольный голос:

— Мама?.. Это металлолом.

— Металлолом, мама. В школу отнести нужно. Сами на-шли, — защебетала выскочившая на улицу Леся.

— Металлолом, говорите? А в чем мы будем теперь плов варить?

— В кастрюле. У нас ведь есть такая большая кастрюля, — ничуть не растерялась Леся.

— Ну-ка, быстро поставьте на место! Поищите что-нибудь другое.

Ренат и Леся разочарованно вернулись во двор. За ними последовали Коля и Фатима-апа.

Белье, которое оставила Фатима-апа, отправляясь на поиски Коли, уже было выстирано и развешано на веревках. Соседка прополаскивала последнюю простыню.

— Ой, что вы! Я бы сама... Спасибо!.. Дайте-ка!..

Но соседка отстранила ее:

— Я уж закончу. А вы займитесь другим делом — у вас их немало.

— Спасибо! — повторила Фатима-апа и посмотрела на соседку с глубокой благодарностью — не только за то, что та постирала ее белье, но и за то, что она не стала расспрашивать о случившемся на базаре.

Это был беспокойный, тяжелый день. Не успела Фатима-апа разжечь очаг, как во двор с испуганным криком влетел Жора:

— Мама! Там Лева... упал... совсем не дышит!

— Где?

— Там вон... недалеко.

Фатима-апа вскочила и побежала на улицу.

...Лева лежал под дувалом, окруженный плотным кольцом

детворы. Глаза его были закрыты. Казалось, он действительно не дышит.

Фатима-апа подбежала, с криком ужаса остановилась над Левой, припала к нему.

— Ой, что с тобой, мой мальчик?! Дышит! Слава богу! Слава богу!.. Давайте перенесем его во двор.

Вместе с детьми Фатима-апа подняла Леву и понесла домой.

По дороге она спросила:

— Что случилось?

— Мы в войну играли... Взяли его в плен — он был партизаном. А когда допрашивать стали, он испугался и вот упал, — пояснил Леша.

— Но он, мама, никого не выдал! — с гордостью за стойкого «партизана» добавил Саша.

— Будь она неладна, эта ваша игра! Чтоб я больше не видела игру в войну! Поняли?!

Леву уложили на супу. Фатима-апа быстро намочила в воде носовой платок и положила его Леве на лоб, затем она приказала Ляне:

— Принеси лук!

От едкого запаха лука мальчик пришел в себя. Он открыл глаза, осмотрел всех вокруг.

— Что с тобой, мой маленький мальчик?.. Пить хочешь? На, глотни. Тебе будет легче... Как ты себя чувствуешь?

— У меня голова болит, мама.

— Полежи, полежи, мой хороший. Ведь говорила тебе: не бегай, посиди дома, ты ведь больной... Ну как, легче стало?

Лева отрицательно покачал головой, закрыл глаза.

— О боже, что за день! — горестно вздохнула Фатима-апа, укрывая Леву теплым одеялом.

Коля и Георгий белили внешние стены дома. Им нравилось это занятие, и потому настроение у обоих — веселое, радостное. А у дувала, где Махкам-ака заделывал глиной трещины, трудилась целая бригада: Остап, Сарсенбай, Ренат, Саша и Леша. Они размешивали глину, формовали ее и подносили отцу. Особенно усердствовали Саша и Леша.

— Бригада молокососов, — недобро усмехнулся лежавший на супе Витя, когда близнецы, тужась, проносили мимо него ведро с глиной.

— А ты бы, чем над малышами потешаться, помог лучше, — вступился за близнецов Николай.

Махкам-ака отобрал у малышей тяжелое ведро, понес сам. У побеленной стены остановился, осмотрел работу Георгия и Николая, сказал удовлетворенно:

— Молодцы, ребята. Хорошо побелили.

— Пойдите, отец, — испачкались, — и Николай снял с лица Махкама-ака присохший комок глины.

— Руки у тебя, Коля, ничего — рабочие... А может, и вправду, будешь после учебы приходить ко мне в кузницу? Обучу тебя ремеслу. А?

— Я бы, отец, на завод лучше.

— А чем моя профессия тебе не по нраву?

— Да нет, я разве говорю — плохая? Только мне бы сейчас не подковы ковать, а снаряды, пушки, танки!

Махкам-ака, обидевшийся было за такое пренебрежительное отношение к его труду, задумался, многозначительно посмотрел на Колю, признался:

— А, пожалуй, твоя правда... Что ж, если хочешь, помогу устроиться.

С айвана спустилась Фатима-апа, подошла к разговаривавшим, сказала обеспокоенно:

— Не знаю, что и делать слевой. Все температурит.

— А что доктор вчера сказал? — спросил Георгий.

— Говорит, пройдет... Нужно к большому доктору, к профессору с ним сходить.

Витя отложил книгу, повернулся к Ляне, что-то старательно переписывавшей:

— Что это ты там все сочиняешь?

— Секрет.

— Не скажешь?

— А зачем тебе?

— И не надо! Зубрила! — отвернулся Витя, но тут же незаметно зашел за спину Ляне и, напрягая зрение, прочел:

«Дорогая мамочка! Мы с Марикой очень за тобой скучаем. Когда уже ты к нам приедешь? Тетя Фатима очень хорошая женщина. Она на тебя похожа. И дядя Махкам тоже хороший. Ты за нас не волнуйся. Когда ты выздоровеешь...»

— Маме пишешь? — раздался за спиной Ляны Витин удивленный голос. — А мама твоя ведь умерла.

Ляна испуганно обернулась, вскрикнула в ужасе:

— Что?.. Неправда! Ты врешь!

— Сам видел, как хоронили, — с детской наивностью доказывал Витя и, посмотрев в изменившееся лицо Ляны, сам испугался. — Ты не плачь... Я не хотел... Это уже, знаешь, когда — давно было... Ну ты не плачь, слышишь, Ляна... Не плачь...

Он гладил ее плечо, пытался успокоить, смягчить тяжесть удара, который нанес так глупо, так беспощадно...

Плачет в колыбели оставленная всеми Марика.

— Ляна, покачай сестренку, — слышен голос Фатимы-апа.

Но Ляна даже не пошевелилась.

— Ты что, уснула? — подошла Фатима-апа.

Ляна подняла голову, оглядела женщину злобным взглядом затравленного зверька.

— Зачем вы меня обманывали?.. Почему вы не сказали мне?.. Я ведь вам... — И не договорив, она разрыдалась — горько, безутешно, отчаянно.

Фатима-апа прижала ее к груди, дрожащей рукой гладила кудри Ляны, и у самой по морщинистым щекам катились крупные соленые слезы.

Над полями, над садами, омытыми утренней свежестью, звенит весенняя песня жаворонка. Она звучит то совсем рядом, то удаляется в поднебесье и там сливается с другими голосами, чистыми и прозрачными, как само это небо.

На землю пришла весна в нежной кипени садов, в сочно зеленой одежде полей, в цветении маков. Сколько их рассыпано вокруг!

Фатима-апа сорвала несколько цветков и посмотрела на детей — они разбрелись по широкой долине, словно плыли по этому красно-зеленому морю. А в руках у них чудесными факелами пылали букеты полевых цветов.

У кладбищенских ворот Фатима-апа подождала детей и, когда все собрались, пошла вперед.

Они шли между могилами с чугунными оградами, мимо холодного мрамора надгробий.

Около могилы, усаженной цветами, Фатима-апа остановилась. Дети окружили могилу, бесшумно сложили на нее полевые цветы. Ляна упала на колени, провела рукой по зеленому холмику, будто погладила холодное тело матери, и тихо заплакала. Глядя на нее, заплакала и Марика на руках у Фатимы-апа.

Скорбной приглушенной мелодией отозвался оркестр на этот горький плач.

Витя прижался лбом к кладбищенской ограде и отсюда со страхом в глазах смотрел на могилу, на окруживших ее детей, на плачущих сестер...

Гнетущая тишина кладбища. Безмолвные, печальные лица. И песня жаворонка, которая теперь уже не кажется почему-то ни радостной, ни весенней.

Приемная поликлиники. На стульях и диване в ожидании своей очереди сидят женщины с детьми. Как обычно, когда нечем заняться, люди с особым интересом рассматривают каждое новое лицо, попадающее в поле их зрения. На этот раз объектом длительного изучения становится Махкам-ака, вошедший в при-

емную слевой на руках. Он усаживает бледного мальчугана на стул, стоящий в стороне, заботливо вытирает платком левино лицо.

Женщины наблюдают за ними с откровенным любопытством.

— Я знаю его, — заговорщически наклонилась к своей соседке женщина с девочкой на руках. — Он из нашей махалли, кузнец. Помните, в газетах писали, взял на воспитание четырнадцать детей.

— Как же, конечно, помню, — откликнулась другая женщина. — Еще писали, все дети разных национальностей.

— Точно. Один русский, один украинец, казах есть, молдаванка... А этот, кажется, еврей.

— На руках его принес, видали?

Из кабинета врача вышла женщина с рыжим ревушим мальчуганом. Голос медсестры вызвал:

— Следующий!

Какая-то женщина поднялась, пошла было к дверям кабинета, но на полпути повернулась к Маххаму-ака, почтительно прознесла:

— Проходите вы, мы подождем немного.

Это было настолько неожиданно, что Маххам-ака почувствовал себя неловко, даже смутился.

— Благодарю вас... Но я... мы...

— Ничего, ничего, вы идите, — поддержала очередь.

Маххам-ака поднял Леву и, прежде чем войти в кабинет, растроганно поклонился.

— Спасибо вам большое.

...На высоком операционном столе, переодетый в белый халат, лежал Маххам-ака. Рядом с ним Лева, объятый паническим страхом перед всеми этими шприцами, трубками, загадочными стальными ножами и кривыми ножницами, а главное — перед лицами в марлевых масках.

Идет переливание крови...

Маххам-ака повернул голову к Лева и подбадривающе мигнул: держись, мол, сынок! Мальчик ответил ему слабой, вымученной улыбкой.

Лунная ночь. Небо, тысячами звездных глаз уставившееся на притихшую землю. Они словно следят, подсматривают за тобой, и от этого на сердце становится смутно, тревожно...

Такая привычная и все же такая таинственная красота южной ночи! Длинные загадочные тени, безмолвные пустыни, едва приметное касание теплого ветерка... И звезды!.. Они манят, притягивают к себе. Кажется, что и пирамидальные тополи вытянулись, устремились, чтобы приблизиться к ним. Звезды...

На широкой супе, опьяненная дыханием ночи, спит Дзидра. Спит, рассыпав по подушке золотистые кудри. Безмятежно улыбается во сне курносая Леся. Спит Марика, крепко зажав в руке плюшевого мишку. Мечется, что-то бормочет сквозь сон, пугливо вздрагивает Зина.

А по другую сторону супы лежат мальчики: Коля... Георгий... Витя... Остап... Сарсенбай... Ренат... Лева... Леша... Саша...

С краю, примостившись рядом с девочками, спит Фатима-апа, утомленная дневными заботами и тревогами.

И только Ляна лежит с раскрытыми глазами, мечтательно всматриваясь в звездное небо. Что видит она там? Звезды? Или море... и себя на берегу, уже совсем взрослой, рядом с незнакомым юношей? Или, может быть, привиделся ей родной дом и склонившееся над ней лицо матери?.. Кто скажет, о чем думает девушка в такую ночь!..

Зина судорожно сжимает кулачки, зажмуривает глаза, словно не хочет, боится видеть то, что кошмаром стоит перед ее глазами...

...Охваченная пламенем улица. Грохот рвущихся снарядов и барабанная дробь пулеметов. Женщины с детьми на руках, в панике бегущие в противоположные стороны. Старик, застывший с поднятыми в проклятии кулаками. Из дымовой пелены медленно надвигается черное чудовище, извергающее из пасти огонь. Это танк с солдатами на броне. Танк приближается. Вот он уже рядом с Зиной, в ужасе прикипшей к маминой груди. Страшно! Страшно!!!

Какое-то серое животное, похожее на обезьяну, прыгает к Зине, вырывает ее из рук матери...

— Ма-ма!..

— Мама! — бьется во сне ребенок, потрясенный неправдоподобно ужасными видениями.

Фатима-апа вскинулась, взяла Зину на руки и, тихо напевая, пошла в глубь двора.

Ляна лежала, все так же зачарованно глядя в небо, исколотое блестками звезд. Откуда-то издали доносилась до нее ласковая мелодия узбекской колыбельной.

Девушка не заметила, когда небо стало затуманиваться, и вдруг перед ее глазами возникла иная картина.

...Живописное молдавское селение. Уютный дом в вишневом саду. У дома стройная красивая женщина с лицом, удивительно похожим на лицо Ляны. Она медленно покачивает колыску и поет колыбельную, молдавскую колыбельную...

Ляна стряхнула с себя дрему, протерла глаза, осмотрелась.

На супе мирно спало все многочисленное семейство Махкамака. По двору, убаюкивая Зину, ходила Фатима-апа. Она тихо напевала все ту же старую узбекскую колыбельную.

Ляна поднялась, взяла у Фатимы-апа успокоившуюся Зину.
— Ложитесь, тетя. Я сама ее укачаю.

Фатима-апа легла и тотчас уснула, а Ляна ходила по двору и чуть слышно пела молдавскую колыбельную.

Знойный летний полдень. Во дворе, в тени деревьев, разостлан палас и курпачи. Вокруг невысокого столика сидят дети. Перед каждым тарелка с затирухой и кусок хлеба. Подошла Ляна, положила ложки, командовала шутливо:

— Начали, гвардейцы!

Витя помешал ложкой в тарелке, недовольно поморщился:

— Жидкая совсем... Эх, жизнь пошла — затируха!

Язвительная усмешка Коли окончательно вывела его из равновесия.

— А ты чего ухмыляешься? — яростно набросился он на Колю. — Из-за вас вот эту бурду мне есть приходится.

— Опять ты за свое! И не надоест повторять одно и то же! — сказал Сарсенбай, как говорят обычно о чем-то приевшемся до оскомины. — Сам такой же, как все, а держится хозяином. Все тебя объедают, твою воду пьют, твою землю топчут.

Витя не на шутку обозлился, схватил ложку и швырнул через стол в Сарсенбая. Ложка угодила в затируху, разбрызгала ее во все стороны. Несколько горячих капель брызнуло в лицо Сарсенбая. Он мгновенно вскочил и со сжатыми кулаками пошел на Витю.

— Брось, Сарсенбай! Не тронь этого пана, — удержал его Остап.

Сарсенбай вытер рукавом забрызганное лицо, успокоился, сел на место. Однако через минуту он снова встал и, взяв тарелку, спокойно направился к Вите.

— На, ешь! Это твое, — сказал он, поставив перед Витей свою тарелку.

Коля, поднесший уже было ложку ко рту, вылил затируху обратно в тарелку, подвинул ее Вите:

— Кушай, тварь ненасытная!

И сразу все тарелки оказались сдвинутыми к Вите. Все, кроме него, стали из-за стола и отошли в сторону, а Остап добродушно спросил:

— Что ж ты не ешь?.. Кушайте, пожалуйста, дорогой Витенька, кушайте — не стесняйтесь!.. Чтоб ты подавился!

С айвана спустилась Фатима-апа, удивленно посмотрела на столпившихся во дворе детей:

— Что ж вы не едите?

— Аппетита нет, мама, — слукавил Лева.

Фатима-апа недоверчиво хмыкнула и тут только заметила одинокую сгорбленную фигуру Вити. Она подошла к нему, увидела сдвинутые тарелки и все поняла.

— А у тебя, Витенька, не пропал аппетит?.. Может, добавки хочешь?

— Не беспокойтесь, тетя Фатима, он сегодня уже с голоду не умрет, — ядовито ответила за него Ляна.

А Витя сидел, уткнувшись в свою тарелку, и слезы капали у него с носа в жидкую затируху. Мягкосердечному Леве стало жалко его. Он придвинулся поближе к Вите, заглянул ему в лицо, приготовился сказать какие-то утешительные слова, но Фатима-апа отстранила Леву и строго погрозила пальцем: не тронь!

На голом каменистом берегу широкой речки собралась вся мужская часть семейства Махкама-ака. Нет только самого Махкама-ака и Вити. Мальчишки резвятся: прыгают в воду, ныряют и гонятся друг за другом, вздымают фонтаны белых брызг, с увлечением играют в дарбазу. Далеко по реке несутся их озорные голоса:

— Держите Остапа!

— А ты попробуй — догони!

— Эй, вы, кто утащил мои трусы?!

— Ничего, так побегаешь!

— А-у! Хлопцы, тут рыба. Валяй сюда!

Из-за каменной глыбы на тропинке показался Витя.

Ребята отвернулись, сделали вид, что не заметили его. Даже когда он подошел к реке и, раздевшись, плюхнулся в воду, никто не посмотрел на него, не обратил никакого внимания.

Витя еще продолжал плескаться, когда на берегу показался высокий незнакомый парень лет пятнадцати. У парня был воинственный вид. Он глубоко засунул руки в карманы галифе, пренебрежительно сплюнул, крикнул Вите:

— Ну-ка, вылазь! Не мути воду!

Витя продолжал купаться, сохраняя чувство собственного достоинства.

— Тебе говорят, вылазь! Ну! — снова крикнул парень, но на этот раз в голосе его слышалась угроза.

— Я тоже купаюсь. А река не твоя! — не сдавался Витя, хотя видно было, что перспектива столкнуться один на один с этим могучим противником не доставляла ему большого удовольствия. Витя бросил беглый взгляд в сторону своих сводных братьев, в глубине души рассчитывая на их поддержку. Но они спокойно загорали на берегу и, казалось, даже не слышали этого разговора.

Витин протест вызвал негодование незнакомого парня. Он поспешно сбросил с себя одежду, вошел в воду и, схватив Витю за шею, стал окунать его.

— Хотел купаться — пожалуйста! — повторял он в те моменты, когда Витина голова появлялась на поверхности воды.

Витя пробулькивал что-то невразумительное и снова скрывался под водой.

— Утопит ведь! — первым не выдержал Лева и встал. За ним поднялись остальные.

— Ну, пойдём, ребята! — спокойно сказал Николай.

Всей гурьбой ребята бросились в воду. Малыши брызгами ослепили незнакомца. Георгий и Николай схватили его за руки и стали окунать так же, как он только что окунал Витю. Наконец парню удалось вырваться. Он выбежал из воды, поскользнулся и упал. Подгоняемый грозными криками, он тут же вскочил, схватил свою одежду и пустился наутек. За ним с гиканьем и свистом понеслась вся ватага.

Витя вышел на опустевший берег, присел, больно закусил губу.

Вскоре преследователи вернулись. Они сбегали с крутой горы и с победным кличем один за другим прыгали в воду.

Вите очень хотелось помчаться за ними следом, но гордое ребячье самолюбие удержало его на месте. В этой борьбе гордыни с чувством благодарности восторжествовало доброе начало. Витя встал и, разбежавшись, бросился в реку. Он нырял и, появившись на поверхности, отфыркивался, набирал пригоршнями прозрачную речную воду и плескал ею себе в лицо, словно желал отмыть его от давней присохшей грязи.

Леся стояла у калитки и, жмурясь от яркого солнца, смотрела вдаль, словно провожала или встречала кого-то. Она очень обрадовалась, увидев знакомого почтальона, и, подпрыгивая, устремилась навстречу.

— Здравствуйте, тетя Салтанат!

— Здравствуй, Лесенька!

— А нам письмо есть?

— Есть... Держи. Не потеряешь?

— Нет, что вы!

— Неси маме, быстро.

— До свиданья, тетя Салтанат.

Леся с радостным возгласом влетела во двор и, размахивая в поднятой руке конвертом, остановилась перед Фатимой-апа.

— А нам письмо! От брата, наверно.

Фатима-апа распечатала конверт, но прочесть письмо не смогла. Оно было написано по-русски.

— Ляна! Почитай-ка, дочка, что здесь написано, — нетерпеливо попросила Фатима-апа.

Ляна сбежала с айвана, взяла письмо и уже открыла рот, чтобы прочесть, но так с открытым ртом и замерла.

— Что ж ты язык прикусила? — испугалась Фатима-апа. — Что там написано?

Ляна молчала.

— Что там написано, Ляна? — снова переспросила Фатима-апа, и теперь стало заметно, как дрожат у нее губы, как трясутся сухие узловатые руки. — Читай же! — не своим голосом закричала она.

— Брат... брат... он передает всем приветы, — бесцветным голосом заговорила Ляна. — Пишет, что скучает за вами...

Письмо трепещет в руках Ляны, отчетливо видны слова: «...пал смертью храбрых в борьбе за...»

Шумно распахнулась калитка, во двор с гомоном и смехом ввалились дети, размахивая кто портфелем, кто планшетом, а кто и просто картонной папкой. Перебивая друг друга, они, как обычно, торопились выложить Фатиме-апа все школьные новости.

— Мама, у меня по чтению пять! — хвастался Ренат.

— А Остап тройку по арифметике получил! — с видимым удовольствием сообщил Сарсенбай.

Его удовольствие имело свои причины: как и множество людей, даже взрослых, когда им нечем похвалиться, он испытывал бессознательную потребность доказывать, что и у других, собственно, успехи весьма сомнительные.

Остап возмущился:

— Не тройку, а четверку... Ты бы лучше о себе рассказывал!

— Жора в автокружок записался.

— Сарсенбаю учительница сказала, чтобы вы пришли в школу, — наябедничал Ренат.

Но Фатима-апа не слышит, о чем они говорят. Она тянет руку к письму, которое Ляна пытается спрятать за спину, отбирает его и передает Коле, прошептав одними губами:

— Читай!..

Фатима-апа не спускала остановившихся глаз с Коли, пока он читал это короткое, страшное письмо, и еще прежде, чем он дочитал, Фатима-апа поняла все, поняла, что нет у нее больше сына, что смерть отобрала у нее самое дорогое. В ушах ее приближаясь и нарастая, звучит трагическая мелодия, сопровождавшая первые кадры фильма.

Это музыка то иступленная, неистовая, то порывистая и мятежная, то похоронно-торжественная. Надрываются в скорбном рыдании скрипки, ухают тупые удары барабанов. И не знает Фатима-апа, что это — эхо далеких взрывов или стук крови в

висках... Двоится, распадается солнце на множество ослепительно-ярких осколков. Все небо охвачено пламенем, будто над головой, от горизонта до горизонта, сплошное солнце... И вдруг крошечная тьма и жуткая тишина могилы...

— Мама! — вскрикнула Дзидра, видя, как пошатнулась и упала Фатима-апа.

Детские лица исказились страхом. Кто-то испуганно заплакал. Ляна положила голову Фатимы-апа себе на колени, отрывисто приказала:

— Воды!.. Георгий, вызови скорую помощь!.. Кто-нибудь за отцом!..

Лева принес пиалушку с водой. Девушка смочила виски и лоб Фатимы-апа, но она продолжала лежать — бледная, с закрытыми глазами.

Мужчина средних лет в старомодном пенсне, стоя рядом с кузнецами у наковальни, убеждал Махкама-ака:

— Вы только распишитесь, товарищ Абдурахманов, остальное — не ваше дело.

— А за что мне эти деньги? — упорствовал Махкам-ака.

— Сначала распишитесь, потом узнаете.

На помощь конторскому служащему пришли кузнецы.

— Расписывайтесь, мастер, что там?! Не взятку вам дают, — пробасил один.

— Может, лишними будут? Так вы мне их отдайте, — пошутил другой.

Махкам-ака пригладил усы, подумал и расписался. Мужчина в пенсне достал деньги и, передавая их Махкаму-ака, приготовился произнести подобающую случаю приветственную речь:

— Дорогой товарищ Абдурахманов! По поручению правления нашей артели я вручаю вам сейчас небольшую сумму. Это скромная материальная помощь. Вы заслужили ее честным...

Закончить речь конторскому служащему не пришлось — в мастерскую, возбужденный, задыхающийся от долгого бега, ввалился Коля:

— Отец! С мамой плохо...

— А?! — обомлел от неожиданности и испуга Махкам-ака.

— Сознание потеряла... лежит...

Кузнец выронил молоток, сорвал с себя фартук и выбежал на улицу.

В кузнице наступила зловещая тишина.

Над Сарсенбаем, который чистил у очага картошку, раздался голос Коли:

— Эй, повар! С такой чисткой без обеда останемся. Ты вот как срежай — тоненько. — Николай взял у Сарсенбая нож и показал, как следует чистить картофель. — Понял? Это тебе, брат, не алгебра: тут головой работать нужно!

— Понял, — надулся Сарсенбай.

Ляна налила воду в котел, сказала Коле:

— На завтра картошки нет... и масло кончается.

— Добудем! — обнадежил ее Коля. — Послезавтра на работу выхожу!

— Договорился уже? — завистливо поглядел на него Сарсенбай. — На завод?

— Ага.

— А учебу бросишь?

— После войны доучусь. Нельзя ведь всем на отцовской сидеть. Хотя небольшая будет, а все же помощь.

— Возьми меня с собой, Коля, а? Я тоже помогать буду, — с робкой надеждой умолял Сарсенбай.

— Мал еще! — пренебрежительно отрезал Коля.

Сарсенбай обиделся:

— Тоже мне...

Против обыкновения тихо вошли во двор Витя и Остап с небольшим узелком.

— Ну, как там? — почти одновременно спросили Коля, Ляна и Сарсенбай.

— Не пустили нас, — ответил за обоих Остап. — Передачу взяли, а в палату, говорят, нельзя.

— Эх, вы! Спросили хоть, как себя чувствует?

— Сказали, удовлетворительно... — Ребята молча разошлись по местам.

С улицы раздался резкий свист. Коля прислушался, поковырял палочкой землю и остался сидеть у очага. Свист повторился. Но и на этот раз Коля не пожелал ни откликнуться, ни выйти к своим приятелям. Только когда приоткрылась калитка и во двор заглянула вихрастая мальчишечья голова, Коля поднялся.

— Ты что, оглох? — заговорщически шепнул незванный гость.

— А чего? — неприязненно отозвался Коля.

— Пойдем погуляем... Погодка — только рыбу удить!

— Не пойду.

— Понятно. За старшего воспитателя остался? Поздравляю!

— Тебе какое дело?!

— Испугался, значит. Правильным стал, — надсмехался над Колей вихрастый парень.

— Знаешь, что? Валяй-ка ты отсюда!

— А это уж, простите, как пожелаем... Пожелаем — уйдем, а пожелаем — расскажем твоим дорогим родителям, как ты на базаре платищем торговал... своим, конечно, со своего плеча.

— Ошибся ты: не своим он торговал — маминым, — решительно вмешалась в разговор Ляна. Она подошла к калитке, воинственно размахивая половником. — Мама послала его обменять платье на картошку. Понял?

— А мама теперь вместо платья будет носить картошку? — усмехнулся вихрастый парень.

Эта невинная шутка стоила ему разбитого носа. Парень поднялся и, напружинившись, приготовился к драке. Но злобные глаза Коли и половник, который, подобно булаве, покачивался у Ляны в руках, охладили его пыл. Он трусливо шмыгнул в калитку и уже из безопасной зоны пригрозил:

— Ну погоди! Мы еще с тобой встретимся!

— Жду с нетерпением, — рассмеялся Коля.

На маленькой арбе, запряженной ослом, едет рослая, богатyrского сложения женщина. Рядом с ней маленькая девочка с полсотней косичек-змейек на спине. Она проковыряла пальцем дыру в мешке и с аппетитом поедает извлекаемый оттуда сушеный урюк и орехи. Женщина видит это, но молчит: пусть поест ребенок.

Арба катит по улице. На перекрестке женщина окликнула прохожего:

— Где дом Абдурахманова-кузнеца, не знаете?

— Вон калитка, — указал прохожий.

Осел поплелся дальше.

— Мама, а вы все отдадите? — спросила девочка, и по тому, как она спросила, чувствовалось, что расставаться с мешком ей очень не хочется.

— Все, доченька. Это колхоз другим детям послал.

— Целый мешок?

— Да.

— А нам?

— Нам... в другой раз, — неопределенно объяснила женщина, жалостливо глянув на дочь.

Арба еще немного поскрипела и смолкла у дома Махкамаака. Женщина спрыгнула, быстро сорвала с головы ситцевую косынку и, беспокойно оглядевшись по сторонам, стала горстями пересыпать орехи и урюк из мешка в разостланную косынку. Затем она связала косынку, отдала ее девочке, продолжавшей сидеть на арбе, а сама подхватила мешок и вошла в калитку.

Никто не заметил, как она вошла и поставила мешок. Ляна продолжала стирать, Жора рубил дрова, Дзидра, подымая облака пыли, старательно подметала двор. На супе Леся мыла голову, а Зина поливала ей из кастрюли.

Женщина молча наблюдала за ними до тех пор, пока ее присутствие не было обнаружено Дзидрой.

— Смотрите! — шепнула девочка так, что все разом оглянулись.

— Здравствуйте!.. Заходите!.. — нерешительно приглашали дети, прервав свои занятия и с интересом рассматривая незнакомую женщину.

— Где ваша мама?

— Мама... в больнице.

— Что случилось?

— Старший брат... на фронте.... — не договаривает Ляна, но по лицу ее женщина и сама догадывается, что произошло со старшим братом на фронте.

— Сильно болеет мама?

Леся кивнула.

— А вы заходите. Что ж у порога стоять? — пригласил гостью Георгий.

— Нет, спасибо... Я вот привезла вам подарок от колхозников, — указала женщина на мешок.

— Подарок? — переспросила Ляна, не зная, что делать с таким большим подарком — принимать и благодарить или отказаться. — Спасибо вам, только я не знаю...

— Да чего там, от подарка отказаться — обиду нанести, знаешь?

— Спасибо!.. Вы садитесь, отдохните немного, — и Ляна глазами приказала ребятам сделать, что положено для достойного приема гостьи.

Женщина прошла к супе, села на поспешно разостланную Зиной курпачу. В тот же миг Георгий поставил перед женщиной хантахту, Сарсенбай принес чай. Принес, поставил и шепнул Ляне на ухо:

— А хлеба-то нет. Чем угощать?

Ляна отстранила его и налила гостье чай.

— Пейте, пожалуйста.

Дети чинно сидели на супе, придумывая, чем бы еще угостить и занять гостью. А женщина будто уловила их скрытые мысли. Она развязала мешок, высыпала на скатерть пригоршню урюка и орехов, сказала очень просто:

— Берите, ешьте!

Ребята застеснялись, поглядели друг на друга, словно искали разъяснения, как следует вести себя в сложившейся обстановке. Их сомнения разрешила Ляна, спокойно взявшая со стола несколько урючин. Вслед за ней потянулись и остальные.

Прихлебывая горячий чай, женщина смотрела, с каким удовольствием поедается подарок колхозников. Не часто, наверное,

случается этим ребятишкам лакомиться. Да и что тут удивляться — время-то какое!

Невеселые раздумья женщины прервала Ляна, исполнявшая сегодня обязанности хозяйки дома:

— Что ж вы чай без ничего пьете? Берите, тетя, — и протянула ей горсть урюка.

Женщина растрогалась:

— Ах, какие вы славные! Вот бы все у нас такие были!

Сказала и неизвестно почему помрачнела, насупилась.

— Я пойду уже, дорога дальняя, — вскоре промолвила она, раздраженно швырнув на стол урюк, что держала в руке.

— Посидите еще с нами, — вежливо, как делала это всегда Фатима-апа, предложила Ляна.

Но в гостье произошла какая-то непонятная перемена: съжившись, словно от холода, она тяжело зашагала к калитке, не отвечая на прощальные приветствия детей, не обратив внимания на учтивые слова Ляны:

— Приходите, тетя, когда мама вернется. Ладно?

Женщина подошла к арбе, неласково взглянула на дочку, аппетитно поедавшую урюк и орехи, вырвала у нее из рук завязанный узлом платок и торопливо вернулась во двор.

— Эй, возьмите вот еще. На арбе забыла, чтоб мне провалиться!

— Да что вы, тетя? Нам и так достаточно, — запротестовала Ляна, отведя руки за спину.

— Бери, бери, дочка! Это не я — колхоз вам дарит. — Она насильно вложила узелок Ляне в руки, и лицо ее просветлело. — Будьте здоровы все! Я еще к вам приеду, обязательно.

— Спасибо, тетя.

— И вам спасибо, — широко улыбнулась женщина уже с порога. — До свиданья!

Ляна недоуменно пожала плечами.

— До свиданья!..

Больничная палата. На кровати с широко открытыми ввалившимися глазами лежит Фатима-апа. Она осунулась, постарела, глубокая печаль углубила прежние морщины, прорезала новые в углах поблекших губ.

— Смотрю я на вас и думаю, зачем терзаете себя? — обратилась к ней пожилая женщина с соседней кровати. — Эдак и загубить себя недолго... Вы успокойтесь, возьмите себя в руки.

— Сердце разрывается... — призналась Фатима-апа, и по ее щеке покатились слеза.

— Тяжело пережить такое горе. Сама испытала, понимаю... Только что же делать, дорогая? Слезами горю не поможешь...

В приоткрывшейся двери показался Коля, за ним Ляна, Жора, Остап, Витя, Сарсенбай, малыши.

Фатима-апа незаметно вытерла слезы, приподнялась на встречу.

— Лежите, мама, не подымайтесь! — присела на край кровати Ляна. — Как вы себя чувствуете?

— Лучше, доченька.

— Вы уже поправились, мама? — пробилась вперед Леся. — А я вам вот что принесла! — и девочка протянула букетик райхона. — Красивые, правда?

— Очень... А как вы там хозяйничаете? Голодные, наверное?

— Что вы, мама! — возразил Виктор. — У нас теперь картошки, знаете, сколько!

— Ну, молодцы!

— А это мы вам принесли, — протянул Лева объемистый сверток.

Больные в палате растроганно глядят на детей.

— А папа перешел работать на большой завод! — сообщила Леся.

— Знаю, доченька.

— Вчера опять двенадцать писем получили.

— И позавчера — семь.

— А посылки! Всю нишу заложили!

— Сегодня открыли одну — там консервы какие-то и кукла. Вот у Леси она.

— Какая замечательная у тебя кукла! — к удовольствию Леси похвалила игрушку Фатима-апа. — Ты ей волосы рвать не будешь?

— Нет, мама. Та была плохая, непослушная.

— Ты умница. А что в письмах пишут? — спросила Фатима-апа.

— Хотите послушать?

— Почитайте.

Коля достал из кармана пачку писем, развернул одно, стал читать вслух:

— «Уважаемые Фатима-апа и Махкам-ака! Мы глубоко тронуты вашим благородным поступком. Усыновив четырнадцать осиротевших детей разных национальностей, заменив им погибших отцов и матерей, вы совершили настоящий подвиг. Наш народ гордится вами — щедрыми, великодушными, замечательными людьми. Ваш гуманизм — наше сильнейшее оружие против врага. Ваши большие, полные любви, горячие сердца вернули детям потерянное счастье. Это будут помнить и ценить не только усыновленные вами дети, но и весь народ, вся наша страна...»

Письмо взволновало Фатиму-апа. Она взяла его у Коли, посмотрела и спрятала под подушку.

— Хотите еще послушать? — спросил Коля, разворачивая другое письмо.

— Почитай.

«Я старая женщина, у меня за плечами уже немало лет. Мне, слепой, разбитой тяжелыми болезнями, нелегко было связать эти варежки. Я их вязала для сына. Он сражался на фронте. Но у меня нет больше сына — он убит... Я хочу, чтобы эти варежки носили ваши дети. Ведь они и мои дети тоже...»

Вошедшая в палату медсестра прервала Колю:

— Детки! Вам пора. Нельзя переутомлять больную... Шагом марш!

— До свиданья, мама, — неожиданно захныкала Леся.

— Идите, идите, дорогие мои.

— Поправляйтесь, а то скучно.

Дети вышли. В коридоре послышалась какая-то возня, до ушей Фатимы-апа доносились приглушенные голоса:

— Понимаешь, нельзя туда!

— А я хочу к маме! — Это был голос Левы. — Пустите!

— Ты разволнуешь ее. Маме станет хуже.

— Не станет... Пустите меня к ма-аме! — заревел Лева.

Возня в коридоре усилилась, на минуту приоткрылась дверь и в ней показалась заплаканная Левина физиономия.

— Мама! — успел позвать он, но тут же чья-то сильная рука оттянула его и осторожно прикрыла дверь. — Ма-ма! — снова раздался Левин крик из коридора. Затем все смолкло.

Фатима-апа приникла к подушке и заплакала. В этих слезах была уже не только тяжелая скорбь, но и светлая радость материнства.

Больные, приподнявшись в постелях, смотрели на Фатиму-апа. Однако никто не сказал ей слов утешения. Нужны ль они ей были сейчас?..

Во дворе, набрав полный таз воды, Ляна купала Марику. Девочка брызгалась, размахивала мочалкой, а когда в глаза попадало мыло, пронзительно визжала.

Они не заметили, как оказалась здесь незнакомая женщина. Женщина выглядела очень усталой или больной и все время озиралась по сторонам.

— Здравствуйте! — нерешительно подошла к ней Ляна.

— Добрый день... Здесь живет кузнец, что детей усыновил?

— Да.

— А где дети?

— Кого вам надо? Нас много.

— Дзидра... дочь моя... где?

— Ваша дочь? — удивилась Ляна. — Они на поле. Нам завод участок дал... Я сейчас, я мигом... — Ляна завернула Марику в простыню, протянула женщине. — Подержите, — а сама выбежала на улицу.

...На участке, выделенном Махкаму-ака заводом, работала вся семья.

— Дзидра! — закричала Ляна еще издали. — Дзидра! Твоя мама приехала.

— Моя мама?

— Ну да, твоя первая мама!

Дзидра сначала непонимающе, потом недоверчиво посмотрела на Ляну.

— Иди же! Правду тебе говорю. Там твоя мама!

— Мама! — вскрикнула Дзидра и стремглав помчалась по полю. За ней понеслось и все многочисленное семейство.

Выбиваясь из сил, далеко позади остальных бежали смешные малыши Саша и Леша.

Дети ввалились во двор и застыли в предвкушении той редкой сцены, которая должна была сейчас разыграться у них на глазах.

Женщина переводила взгляд с одного лица на другое, ища и не находя своей дочери.

— Вот же она, тетя! — говорит Ляна и выводит вперед Дзидру.

— Нет, это не Дзидра, — огорченно покачала головой женщина.

— Почему это она не Дзидра?! — обиделся за сестренку Ренат. — Она Дзидра!

— Нет, это не моя дочка, — удрученно опустила глаза незнакомая женщина и, взяв свой дорожный мешок, направилась со двора. — Извините.

Дети постояли минуту молча, и тут только, задыхаясь, все в испарине, с грохотом появились в калитке Саша и Леша. Они тревожно оглядели двор — неужели опоздали? И поняв, что это так, расстроились окончательно.

— А где же мама? — спросил Леша, обиженно скривив губы.

— Какая мама?

— Дзидрина мама, — пояснил Саша.

— Дзидрина мама? Она в больнице. А что?

Саша и Леша озадаченно вертели головами, с трудом соображая, разыгрывают их или говорят всерьез. Вид у них был такой ошалелый, что ребята дружно рассмеялись.

У выхода из больницы Фатима-апа пожала руку медсестре,

которая ее провожала, и сразу же попала в ребячий улей. Она едва протиснулась к Маххаму-ака, стоявшему поодаль с Марикой на руках. Маххам-ака опустил ребенка на землю, сказал:

— Иди!

И Марика, неуверенно переставляя ножки, сделала несколько шагов к присевшей на корточки Фатиме-апа.

— Ма-ма! — ясно выговорила малышка.

— Голубушка моя, доченька!

Фатима-апа счастливо осмотрела все свое многочисленное семейство и вдруг забеспокоилась:

— А где Ренат?

— Он дом сторожит.

Удобно устроившись на верхушке дерева, Ренат прилаживал скворечник. Он не заметил, как над дувалом появилась голова Бувинисы-хола. А та, осмотрев двор и никого не обнаружив, озабоченно промолвила:

— Куда они все ушли?.. Очень интересно... очень интересно...

— За мамой ушли, — сказал с дерева Ренат.

Бувиниса-хола задрала голову, нашла глазами мальчугана, спросила елеинным голоском:

— А что же ты, голубчик, не пошел маму встречать?

— Меня дом караулить оставили.

— Подарки?.. Молодец, малыш! Ты их хорошо карауль. Мама придет, знаешь, как им обрадуется.

— Почему же ей не радоваться? Интересные подарки.

— Дай ей бог, дай ей бог, твоей маме. Ловкая она женщина, чуует, где чем пахнет!

Ренат не понял, удивился:

— Чем пахнет?

— А, что ты разумеешь!.. Только я тебе скажу: думаешь, очень нужны вы ей все были, сердцем болела за вас, голодранцев? Как бы не так! Она на вас теперь вон какое богатство наживет! Зря не стала бы брать...

Слова Бувинисы-хола будто ударили Рената. Он не знал, что ответить, а когда крикнул с болью в голосе «Вы... вы врете!», соседки на дувале уже не было.

Ренат спустился с дерева, прошел через айван в комнату, где сложены подарки, в задумчивости остановился перед ними. Со двора слышались оживленные голоса.

— Пришли, — прошептал Ренат, но встречать не бросился. Он отчетливо расслышал, как Фатима-апа спросила:

— А где же Ренат?

И кто-то ответил ей:

— Побежал, наверное, на улицу с ребятами играть. Хорош караульщик!

Ренат забился в темный угол, так, чтоб его не заметили. И как раз вовремя, потому что в комнату вошло все говорливое семейство. Леся побежала к нише, где были сложены посылки, и закричала:

— Смотрите, мама, как много! Теперь можно открывать?

— Это вот из Куйбышева, — указал Витя на одну.

— А эта из Москвы, от Николаева.

— Тут есть и из Якутии.

Остап показал на пачку писем:

— Уже четыреста тридцать!

— А вы на них отвечаете? — спросила Фатима-апа.

Дети виновато молчат.

— Нет, — сознался Лева.

Фатима-апа укоризненно покачала головой:

— Люди делятся с вами последним куском, себе отказывают. а вы и не подумали ответить! И не стыдно вам?

— Я напишу.

— Я тоже, мама.

— И я напишу, большое-большое письмо, — говорит, озорно улыбаясь, Остап. — Напишу: спасибо за подарки, присылайте еще!

Лицо Фатимы-апа передернулось:

— Ты что такое говоришь?! — Но в тот же миг дружный детский смех подсказал ей, что Остап шутит. — Глупые шутки! — прикрикнула она. — Чтоб я их больше не слыхала.

И тут из своего укрытия вышел Ренат.

— Ренат! — потянулась к нему Фатима-апа.

Мальчик исподлобья глянул на нее, отстранился.

— Что с тобой?.. Что ты молчишь, сынок?

— Я не сынок вам, — грубо оборвал ее Ренат.

Фатима-апа отпрянула, спросила:

— Почему?

— Почему... Потому что я теперь знаю, для чего вы всех нас усыновили — чтоб богатство нажать!

— Какое богатство? Что ты такое говоришь, Ренат?!

— Вот какое, вот оно: посылки, подарки, гостинцы, мешки, ящички!..

— Ой, горе мне! Кто тебе это сказал?

— Сам вижу!

Мажкам-ака подошел к жене, сказал мягко:

— Не волнуйся — нельзя тебе, — и кинул на Рената взгляд, полный негодования. — Нажили мы себе богатство... в твоём лице!

Ренат сорвался с места и побежал. Никто не сделал попытки

его остановить, не бросился вдогонку. В комнате стояла тяжелая, напряженная тишина.

Махкам-ака о чем-то глубоко задумался, затем, не сказав ни слова, медленно вышел из комнаты, пересек двор и побрел по улице. словно приняв какое-то решение, он свернул к мостовой и поднял руку, желая остановить проезжавший грузовик. Но грузовик пронесся мимо. Тогда Махкам-ака подошел к арбе, которая плелась по противоположной стороне улицы, и о чем-то заговорил с арбакешем.

Арба подкатила к дому Махкама-ака и остановилась. Кузнец вошел во двор, крикнул:

— Ну-ка, ребята, кто поможет?

Дети окружили Махкама-ака, с готовностью ожидая его приказа.

— Все это, — он ткнул пальцем в нишу, где были сложены посылки, — все это — на арбу!

— А куда мы их повезем? — спросил Витя, но Махкам-ака вместо ответа подхватил тяжелый ящик и понес к арбе. За ним потянулась целая вереница грузчиков. Когда все это имущество было перенесено и уложено на арбе, Махкам-ака сказал: — Пойдемте все. Только Марику оставьте.

Мальши уселись на арбу, дети постарше пошли рядом с Махкамом-ака по тротуару.

— Куда мы это все повезем? — недоумевал Сарсенбай.

— На базар, наверное, — предположил Витя.

Застывшая в калитке Бувиниса-хола наблюдала за происходящим с нескрываемым интересом.

...Арба подъехала к воротом какого-то дома.

— Ой, да это ведь детдом! — удивленно воскликнул Витя.

Махкам-ака в сопровождении примолкших детей вошел во двор, поприветствовал знакомого директора.

— А, добро пожаловать, Махкам-ака! — радушно встретила его женщина. — С чем пожаловали?

— Вот ребята мои подарки вам привезли.

Сарсенбай подтолкнул Витю локтем в бок:

— А ты говорил, базар...

Добродушный сапожник, что сидел на углу двух улиц, заметил Фатиму-апа и, продолжая заколачивать гвоздь в старый сапог, промолвил уважительно:

— Как ваше здоровье, Фатима-апа? Куда вы все торопитесь?

— Сына моего, Рената, не видали случайно?

— Не видал.

Фатима-апа прошла.

Просторный зал детского дома. У стенки, возле мешков и ящиков, стоят Георгий, Остап, Сарсенбай, Ляна, Витя, Леся, Зина, Дзидра, Лева, Леша и Саша. Они раздают подарки детдомовским ребятам, которые под присмотром воспитательниц выстроились в длинную очередь. Гвалт стоит здесь невообразимый. Дети перекликаются через весь зал:

— Костя! А у меня мяч!

— Глянь, ребята, какой мишка!

— Наталья Герасимовна, на меня эти валенки не лезут.

Георгий вынул из мешка варежки, протянул аккуратному розовощекому мальчику:

— Это тебе.

— Спасибо.

Остап отдал рослому пареньку новенькие брюки. Парень тут же развернул их и стал примерять. Вокруг него собрались дружки, каждый с каким-нибудь подарком.

Следующим в очереди к Сарсенбаю был курчавый мальчик лет десяти. Сарсенбай засунул руку в мешок, извлек оттуда детскую соску и с самым невинным видом протянул ее пареньку, желая, видимо, подшутить над ним. Мальчуган обиженно нахмурился, а вокруг звучал громовой хохот.

Только Витя еще не раздавал подарков. Он склонился над своим мешком и никак не мог его развязать. Не мог или не хотел. Дети в очереди нетерпеливо понукали Витю:

— Что ты так долго?

— Нужно отсюда потянуть.

— Слушай, давай я тебе помогу!

Подошел Махкам-ака, глянул на понурого Витю и, понимая, очевидно, что происходит сейчас в этой мальчишеской душе, сказал бодро:

— Ну, Витяджан, раздавай подарки! А что больше всего понравится — оставь себе.

Превозмогая внутренний протест, негнушимися, будто чужими пальцами Витя наконец развязал свой мешок.

Очередь волновалась.

Первое, что вытянул Витя из мешка, была ушанка. Кожаная, подбитая мехом. Чья-то мальчишеская рука потянулась за ней. Но Витя быстро спрятал ее за пазуху. За ушанкой последовал свитер с замком-молнией. Спрятать его тоже за пазуху под стальными взглядами детей Витя не решился и — хочешь не хочешь — пришлось ему со свитером расстаться.

— Спасибо, ака, — поблагодарил Витю счастливый владелец свитера.

Дальше пошло легче. Он уже даже начал улыбаться, когда вручал застенчивой девчужке такой красивый, весь в мелких цветочках, шелковый сарафан. Потом он раздавал еще какие-то

Не коснется его
 среди грозы и огня,
Пусть он знает:
 растет его сын
 у меня!
Если умер отец твой —
 крепись, не горюй.
Спи, мой мальчик,
Ягненок мой белый,
 усни...*

В вечерние сумерки возвращалась домой Фатима-апа. Невдалеке от калитки она увидела соседок, что-то оживленно обсуждавших.

— Не нашли своего беглеца, Фатима-буви? — спросила Бувиниса-хола.

— Нет, — коротко ответила Фатима-апа и вошла во двор.

— Бедняжка, — посочувствовала одна из соседок. — Извелась совсем. Трудно, говорят, и одного ребенка воспитать, а у нее их вон сколько!

— Много трудов — много и вознаграждений, — ядовито вмешалась Бувиниса-хола. — Видали, какие подарки получают!

— Не для себя ведь. Детей оденут.

— Хе! Детей оденут! Как бы не так. На базар повезли!

— Да что вы, Бувиниса-хола, языком-то мелете?! Меня спросите — сама видела. Подарки в детдом отвезли, сиротам раздали.

— В детдом?.. Сиротам?.. — Это кажется Бувинисе-хола таким неправдоподобным вымыслом, что она даже рассмеялась. — Так сразу и поверила!

— О, боже, что вы за человек, Бувиниса-хола!

Соседки презрительно отвернулись от нее. Бувиниса-хола стала виновато оправдываться:

— Нет, конечно, может быть... Разве я что говорю?

— Не говорите — пачкаете! — отрезала пожилая соседка.

— И как у вас язык поворачивается на таких людей клеветать! — поддержала ее другая.

— Да я... да вы меня не так поняли... я хотела сказать... у меня и на уме того не было!.. — прижимая руки к сердцу, объяснялась Бувиниса-хола.

— Пойдемте, соседочки, поможем ей по хозяйству, — предложила пожилая женщина в широком цветастом платье.

— Пойдемте, — откликнулась другая, и женщины направились к калитке, за которой только что скрылась Фатима-апа.

* Гафур Гулям. Ты не сирота. Русский перевод С. Сомовой.

— И я, пожалуй, с вами пойду, — направились было за ними Бувиниса-хола. Но пожилая соседка в цветастом платье обернулась к ней и решительно заявила:

— Вам бы, дорогая, лучше своим хозяйством заняться.

Женщины ушли. А Бувиниса-хола осталась на улице. Одна, растерянная и подавленная.

Арба, груженная углем, стояла у калитки Бувинисы-хола. Арбакеш выпряг лошадь и, наклонив арбу, высыпал уголь. Бувиниса-хола отсчитала деньги, протянула арбакешу:

— Перенесли б в сарай — еще дала.

— Сотню дадите?

— Да вы что?! За такие деньги я б и сама перетаскала.

— Ну и тащите! — Арбакеш запряг лошадь и ударил ее камчой.

Бувиниса-хола взяла ведро и, наполнив его углем, с трудом, покряхтывая, потащилась во двор. Она не заметила возвращавшегося домой Махкам-ака, да и до него ли ей сейчас было!

Махкам-ака затворил калитку и позвал:

— Георгий!.. Там соседка уголь носит — помогли бы, надорвется старуха. А вы всей артелью в полчаса справитесь.

Из ворот гурьбой высыпали ребята.

— Давайте ведро! — сказал Бувинисе-хола Георгий. — Мы вам поможем.

— Ох, какие вы молодцы! Сейчас я вам еще ведра принесу.

...Ведрами и просто в руках — большие глыбы — переносят дети уголь Бувинисы-хола. Вот уже и последнее ведро потащил Сарсенбай.

Бувиниса-хола благодарно посмотрела на детей, подозвала маленького Сашу и протянула ему рублевку.

— На, сынок, купишь семечки.

Саша заколебался, посмотрел по сторонам, будто спрашивая совета, заметил у калитки Ляну, отрицательно покачивавшую головой.

— Спасибо, тетя, не нужно, — сказал он и вместе со всеми побежал домой.

Бувиниса-хола стояла, разинув рот, с измятой рублевкой в протянутой руке и смотрела вслед убежавшим мальчишкам.

Был жаркий, душный день. Сгибаясь под тяжестью кошелки, Бувиниса-хола возвращалась с базара. Перед входом в кино-театр она опустила кошелку и утомленно прислонилась к стене.

— Тетя, билетик не нужен? — подбежал к ней шустрый черноглазый мальчик.

— На что мне твой билет! Я эту картину, когда еще молодая была, сто раз смотрела.

Мальчик сразу потерял к Бувинисе-хола всякий интерес. Он отошел в сторону, где его дожидался другой паренек, очевидно, напарник, и, разглядев второго, Бувиниса-хола обомлела: Ренат!

Ренат тоже узнал Бувинису-хола. Они посмотрели друг на друга, и Бувиниса-хола очень мягко и ласково спросила:

— Это ты?.. Ай-ай-ай, как тебе не стыдно!.. А мама где только тебя не искала!.. Что ты здесь делаешь?

— Кто? — ткнул в бок Рената его напарник.

— Соседка.

— А! — и он пренебрежительно отмахнулся.

Бувиниса-хола украдкой, чтобы не вспугнуть, приближалась к мальчикам, затем — внезапный прыжок, и Ренат забился, как цыпленок в когтях у коршуна.

— Отпустите, отпустите меня! — барахтался в ее объятиях Ренат.

— Ах ты, старая карга! — дернул ее за длинный рукав второй мальчик.

Ренат мог вырваться. Нужно было принимать срочные меры, и Бувиниса-хола, увидев поблизости милиционера, закричала, будто ее грабили:

— Милиция! Милиция!..

Напарник Рената повернулся, сделал несколько прыжков в сторону и угодил прямо в руки милиционеру.

— Билетами спекулирует, шпана! — не могла успокоиться Бувиниса-хола.

— Этот тоже? — указал милиционер на мигом присмирившего Рената.

— Этот? Нет. Этот купить хотел.

Милиционер откозырял и скрылся в толпе вместе с мальчуганом, а Бувиниса-хола, не отпуская Рената, подняла корзину и сказала:

— Ну, пойдём. Проводишь меня немного.

Мальчик покорно последовал за ней.

...Бувиниса-хола и Ренат стояли лицом к лицу. У них происходило серьезное объяснение.

— Сказал, не пойду, и не пойду! — твердил Ренат.

— Да почему не пойдешь, я тебя спрашиваю? — в отчаяньи всплеснула руками Бувиниса-хола.

— Зачем спрашиваете? Сами знаете почему!

— Ренат, сынок, послушай — неправда все это!.. Я, старая

дура, во всем виновата, наговорила тебе бог весть чего. А они люди хорошие, добрые, бескорыстные. Поверь мне...

— Бескорыстные! — с издевкой повторил Ренат. — Взяли нас, чтоб за счет сирот разбогатеть.

— Да не так все это! — взмолилась Бувиниса-хола.

— А подарки? Сами говорили.

— Дурой была, вот и говорила, — со слезами тяжелого раскаянья на глазах промолвила Бувиниса-хола. — А посылки отвезли они в детский дом, сиротам раздали.

— Что?

— Раздали, говорю, посылки.

Ренат стоял потрясенный.

— Как вы сказали? — переспросил он, словно не веря ушам своим.

— Раздали, раздали, ничего себе не оставили, — повторила Бувиниса-хола.

Ренат бросил на нее взгляд, полный лютой ненависти, и, не сказав больше ни слова, понесся к знакомой калитке.

Бувиниса-хола с трудом подняла корзину и вздохнула:

— Невоспитанный ребенок. Нет чтобы помочь старшим корзину донести. Даже «до свиданья» не сказал.

Салтанат торопилась. Тяжелая сумка была ее по спине, мешала идти. Девушка отирала струившийся по лицу пот, поправляла сумку и поспешно шла дальше. Она почти вбежала во двор Махкама-ака и, размахивая в руке телеграммой, радостно закричала:

— Эй, хозяева! Несите суюнчи!

Фатима-апа непонимающе смотрит на Салтанат.

— Сын ваш едет! Батыр-ака!

Фатима-апа пошатнулась и упала без сознания.

На айване в кругу детей и соседей сидит Батыр. Леся играет медалями на его гимнастерке, Саша и Леша сосредоточенно изучают шпоры. Батыр заканчивает рассказ, который, видимо, начат уже давно:

— Вот так четырнадцать месяцев и ходили по тылам противника...

Фатима-апа поставила на хантахту поднос с персиками, сказала, лукаво улыбнувшись:

— Ешьте, дети! И ты, Батырджан, ешь персики... Помнишь, ты не захотел однажды взять их с собой. Они тебя ждали.

Сидит вокруг хантахты вся немалая семья Махкама-ака. Что-то рассказывает Батыр и над чем-то смеется Витя, проходят на экране озаренные светлыми улыбками лица Коли и Георгия, Леси и Рената, Ляны и Сарсенбая, Дзидры и Остапа, Марики и Зины, Левы, Леси и Саши. Смотрят на детей, охваченные счастьем этой минуты, Махкам-ака и Фатима-апа.

Звучит на экране музыка. Это звонкая песня жаворонка — весенней птицы, что вьется в чистом голубом небе.

